

К Р О К О Д И Л

К 556/39г.

«Прогнать этих палачей подальше от Финляндии! Свалить всю обанкротившуюся правительственную шайку!»

(Из декларации Народного Правительства Финляндии).

Свистун

ВЕДЬ он, Андрей-то Ягодин, чем людей ублажил? Языком своим ублажил. Выказывал из себя больно много: дескать, у нас чего ни возьми, все не так да не этак. Кругом пассивность.

И все вроде намеки делал: дескать, кабы мне дали власть, я бы тут таких делов наделал, Москва бы с удивления заколтыхалась!

Говорила я ему: «Ты, Андрей Егорыч, на язык-то больно горазд, а на работу чего-то совсем тихий. А с твоей силой-здоровьем за один час скирду хорошую можно сложить...»

Он и вправду такой здоровущий, что даже на ногах не стоит, как другие стоят: все бьет пяткой о землю и ляжками трясет. Это в нем здоровье играет.

А в сельсовет он, Андрей-то Ягодин, через нашу халатность попал. Из Просякина, где наш сельсовет стоит, к нам уж сколько раз Матвей Волчков приходил: дескать, у нас в сельсовете недобор людей, нету состава: один уехал, другой выдвинутый, третий учиться пошел... Давайте, говорит, делать довыборы. А народу все было некогда да некогда. Все-таки как-то собрались. А он, Андрей-то Ягодин, все вокруг народа вертелся и критику пускает: дескать, обратите внимание, какая у нас кругом пассивность, и сельсовет ничего не делает, и до кой поры мы будем это терпеть!.. Но себя в кандидаты не называет и лицом тревогу и скромность делает: дескать, об себе я не горюю, я об народе горюю. А свояк его Евграф Пеплов тоже вокруг людей кружится и жужжит, жужжит: надо, дескать, послать нам в сельсовет кого-нибудь видного, вон вроде Андрея Ягодина: у него кругозор есть хороший, и он даже теоретически может работать. И про живот тоже говорил. Дескать, Андрей-то Ягодин, «может, и живота своего не пожалеет, но весь наш наказ выполнит до останного...»

Ну, у народа тогда какое мнение было: дескать, нам самых первых, самых хороших людей для своего колхоза держать надо: пускай работают в правлении, в бригадах. А член сельсовета что? Так — сидячее положение. Взяли и закричали: «Да пускай он, Андрей-то Ягодин, идет в сельсовет. Как важность-то — член сельсовета!...» Даже дивились, отчего это такое Ягодину-то так зачесалось в члены идти. И в одну душу за него проголосовали.

А сельсовет-то у нас не в нашей деревне, а в Просякине, за два километра. У нас с просякинскими, с колотовскими и еще с малиновскими сельсовет-то общий. Один сельсовет на четыре деревни.

Ну, послали мы туда Андрея Ягодина и не знаем, чего он там делает, и даже нет к этому никакого интереса. А просякинские-то, и колотовские, и малиновские его совсем мало знают, и вот он этих людей языком-то своим и ублажил. И из района которые товарищи приезжали, он и им по козырю в глаз поставил: дескать, больно я страдаю о марксизме и еще о той... о дарвинизме, и нету мне настоящего разворота. Когда он хотит, у него голос такой скорбящий, и лицо он делает общественное и очки людям втирает очень даже хорошо.

А потом слышим: председатель сельсовета Иван Крылов послан на работу в район, а вместо него — уже новый. Кто? Да Андрей Егорыч Ягодин. Ну и ну!

Деревня наша нельзя сказать чтобы большая: и ста дворов нету. А земли порядочно. И завели мы три хороших фермы. И потом сад у нас большой, и огороды, и парники. Работы у людей — по самую макушку, и в сельсовет без крайней нужды никто не ходит. Вот этих, которые хоть реденько, но все-таки туда ходят, спрашиваем:

— Ну, как там Андрей-то Ягодин?

— Сидит, — говорят, — и бумаги читает, и резолюции пишет. А если кто к нему за справкой или за чем, так он рукой на секретаря показывает и так говорит: «Надо, граждане, придерживаться принципу инстанции. Обратитесь сперва к секретарю, а если секретарь по вашему вопросу не полномочен, он вам сделает указание на меня». А намерен, — скажут, — все члены сельсовета от него чуть не плакали.

— Это почему?

— Пленум был. И Андрей-то Егорыч доклад делал. Без малого пять часов людей морил. Которые его долго слушали, у них в головах даже кризис сделался.

К нам он совсем реденько приезжал, потому что ему у нас делов никаких не было: сев, уборку, заготовки мы первые в районе кончали. Он все по другим колхозам на тарантасе ездил. Тут выговор скажет, в другом месте бригадиров нехорошими словами обругает, в третьем месте только ляжками потрясет и дальше поедет.

Но жизнь, она на одном месте не стоит. И стали мы примечать, что мы от других селений вроде как назад пошли. Там — и дома родильные, и насчет детей много заботы, и крыши уж не соломой кроют, а черепицей, и клуб себе хороший делают. А в Тулякине электричество свое завели. И об мельницах уже никто не страдает: в каждом селении своя мельница. А как они этого достигают?

Сельсовет соберет все свои колхозы, и они общими силами всего этого достигают. Вон в Горячей горе большую больницу и водопровод сделали. Кругом люди двигаются, а у нас нет ничего.

На выставку в Москву от нас двенадцать человек ездили. Приехали оттуда, рассказывают. Мы только — ах, да ах! И больше всего людей растравило, как эти наши люди про гидростанции говорили, про дождевые аппараты, про то, какие себе колхозники заведение завели. Дескать, сельсовет, если он хороший, соберет свои колхозы, и они общими силами шут-те что делают: и плотины, и дома этажные, и все...

Ладно! Потом читаем в газетах: скоро будем по Конституции новые сельсоветы выбирать. Ну, думаем, теперь уже не промахнемся. Теперь знаем, кого туда послать.

А Андрей-то Ягодин все чаще к нам стал приезжать. И голос такой скорбящий, и лицо делает общественное, и все вздохи пускает: «Эх, если бы мне хороших помощников подбросили, чтобы я опереться об их мог, какие бы я проблемы прокручивал!» Раньше он никогда по избам не ходил, а теперь и по избам пошел. Войдет, ляжками заиграет, а голос делает скорбящий, и лицо у него будто заботное, общественное. «Ну, как, други, какие у вас тут нехватки-недоделки? Об чем мне вопросы ставить перед вышестоящими органами?» Мы-то понимаем, чего он хотит, к чему нас прельщает, и про себя думаем: «Нет, Андрей Егорыч, и близко тебя, свистуна, к сельсовету не пустим...»

Вот так он и ко мне пришел. А у меня как раз его свояк Евграф Васильич Пеплов сидел с Марфуткой, дочкой своей. Она моей Оленушке подружка: обeim по девятому году, вместе в школу-то ходят. А Марфутка-то такая шустрая, с таким уже смыслом, ну, удивление!

Пришел он, Андрей-то Егорыч, поздоровался, говорит:

— Ну, Матвеевна, буду скоро делать перед вами, своим кровным избирателями, полный отчет. Прошу тебя, как старую активницу-женщину, помочь мне в перспективе будущего: чего тут надо сделать исключительно по женскому делу...

А Марфутка-то смеется озорными своими глазами и встречает в его пустую речь:

— А я, дяденька, чего про тебя знаю! Чего я про тебя знаю!

— Чего ж ты про меня, коза, знаешь?

— А тебя скинут скоро. И все говорят: «Не надо нам этого свистуна».

Евграф-то Пеплов как ударит по столу, кричит:

— Цыц, ты! Чего мелешь, а?..

Девчонки со смешком убежали, а Андрей Егорыч даже язык потерял и не знает, чего ему теперь говорить.

Ну, Евграф-то Пеплов поглядел на печь, на потолок и скучно так говорит:

— По-сродственному тебе, Андрей Егорыч, скажу: ты нонче в эти выборы не лезь. Не мочи даже и думать про это. Таку тебе баню сделают, что год от угара будешь лечиться.

А. КОЛОСОВ

ПОГОВОРКА КСТАТИ

Рис. Е. Кибрика

— Наш прежний депутат рад бы в рай...совет, да дела не пускают!

Вот случай какой приключился, ребята!
Оказия вышла... Жена виновата...
Хотел поддержать одного кандидата,
А выбрал другого вчера депутата!

Вы, может, слышали, что есть на Урале
Местечко такое... наверно, слышали,
Читали о нашем уральском металле,
О нашем металле, о нашинской стали!

И срок подошел — выбираем Советы.
Пошли тут у нас разговоры, советы,
Про то говорим, рассуждаем про это,
Толкуем весь день, говорим до рассвета.

И скоро мы сходимся в общем и целом,
Что действовать надо здесь точным прицелом,
Что наш кандидат будет смелым, умелым,
И преданный делу, и занятый делом!

И я здесь, конечно, беру себе слово,
Я слово беру, объясняю толково,
И всем говорю, что я знаю такого,
Что выдвинуть надо Степана Петрова.

Он в наших местах человек знаменитый!
Потомственный он сталевар родовитый,
Он малый бывалый, служил нам защитой,
Вернулся военною славой покрытый.

Ходил на японца, ходил и на пана,
За Збручем он был, воевал у Хасана,
Уже зажила на груди его рана,
И снова работает он неустанно.

Характер Степана Петрова мы знаем:
Хороший характер — хороший хозяин!
И вот сообща мы его выдвигаем
И наше решение всем объявляем!..

Все шло хорошо, да вмешалась баба:
И го, и другое, здоровьем ты слабый,
Тебе отдохнуть, подлечиться пора бы,
На юг в санаторий ты съезди хотя бы...

И всё это баба устроила ловко!
Захлопнулась, думаю я, мышеловка!
Смотрю: подает она мне упаковку,
Дает мне билет и вручает путевку.

Влезаю я в поезд, как важная птица.
Мелькнули, исчезли знакомые лица,
А поезд гудит, и грохочет, и мчится,
И в красную нашу примчался столицу.

А тут пересадка. Мы тронулись вскоре
И снова помчались... Ветра на просторе...
Соседи гуторят... И вдруг в разговоре
Я слышу, ребята... И чувствую: горе!

Ах, выборы завтра! И вижу воочью,
Что в поезде буду я этою ночью.
Уже не милы мне ни пальмы, ни Сочи,
Ругаюсь и ставлю в уме многоточье.

И тут вспоминаю Степана Петрова,
Тоскую с досады я, честное слово,
Что в силу движенья такого шального
Избрать мне придется кого-то другого!

Промаялся ночь и встаю на рассвете.
Кругом пассажиры шумят, словно дети.
И есть, говорят, кандидат на примете,
Портрет кандидата я вижу в газете.

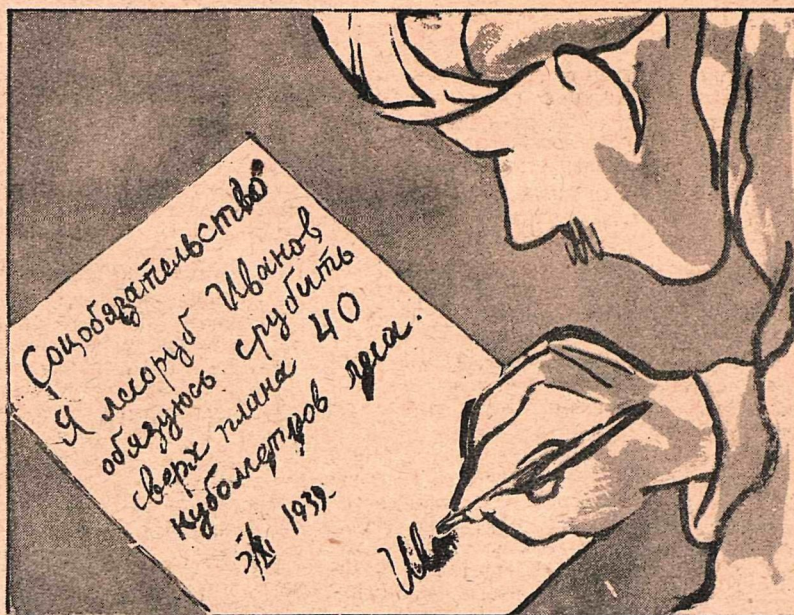
Он в этих местах человек знаменитый!
Потомственный он металлист родовитый,
И родине тоже служил он защитой,
И тоже вернулся он, славой покрытый.

Он парень бывалый и вроде Степана
Ходил на японца, ходил и на пана,
И снова работает он неустанно,
И кроет на триста процентов сверх плана!

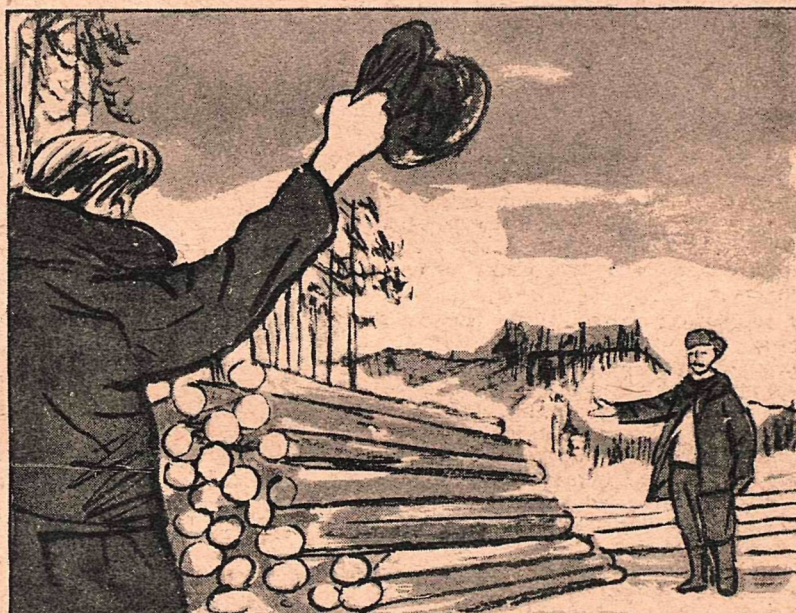
И вижу я: все пассажиры горюю,
Конечно, стоят за такого героя.
И свой бюллетень за него же, не скрою,
Я подал, товарищи, твердой рукою.

Опять вспоминаю Степана Петрова,
И спутникам я объясняю толково,
Что если пришлось выбирать мне другого,
То все-таки выбрал я точно такого!

Ал. РОХОВИЧ

Что написано пером...

То вырубит топором.

Доска приказов

ПРИКАЗ № 88

По Курской областной конторе «Сельхозснабжение»
г. Курск. 15 марта 1939 г.

§ 1

Во изменение приказа по Обл. конторе «Сельхозснабжение» за № 80 от 9 марта с. г. в объявлении строгого выговора тов. Л. за самовольный отъезд в район 7-го марта — оставить в следующей формулировке: учитывая, что у т. Л. произошел несчастный случай в сильной болезни отца, а в результате чего отец т. Л. умер, на что имеется справка колхоза «Светлая Заря» от 12/III—39 года за № 1/19 — объявить т. Л. что при повторении подобных явлений т. Л. будет снят с работы как за прогул.

Управляющий обл. к-рой Сельхозснабжения МАРКОВ

ПРИКАЗ № 174

По общественному сектору Омской конторы Торгвоттранс
от 6 ноября 1939 г.

По нашему коллективу общественного питания необходимо отметить стахановцев и ударников которые справились со своей задачей, возложенной на них партией и правительством (следует 35 фамилий).

Вышепоименованным товарищам выношу благодарность, в дальнейшем надеюсь, что совместно со мною справятся с задачами, возложенными на нас.

Начальник общественного питания Торгвоттранс
ПОПЛАХИНА

Реклама

и действительность.

Из записной книжки

1. Все не то

МОЛОДЫЕ командиры сидели в Вильно в ресторане, пили пиво и о чем-то оживленно беседовали. Пожилой господин привстал из-за соседнего столика и вежливо спросил у командиров: не из Москвы ли они?

— Из Москвы, — ответили те.

— Не откажите тогда в любезности рассказать мне про Москву. Как она? Что там? С этими словами пожилой господин, захватив свой бокал пива, подсел к военным.

— Боликовский, — представился он. — Я сам коренной москвич. Но волей судеб давно оторван от России. И так, знаете, скучаю по Москве, — произнес он очень искренно и вновь попросил, чтобы ему рассказали о Москве, как она, что там.

Командиры охотно исполнили его просьбу. Они с любовью рассказывали все, что знали о своей столице: и про метро, и про сельскохозяйственную выставку, и о парке культуры и отдыха, и о новых заводах, и о новых улицах, и о новых домах.

Они рассказывали с увлечением, но Боликовский слушал рассеянно. Очевидно, не это его интересовало.

— Да, да, все это, конечно, любопытно, — замечал он вскользь, — но скажите, есть еще в Москве филипповские пирожки?

— Филипповские пирожки? — переспросили молодые люди.

Им никогда не приходилось слышать о булочнике Филиппове.

— Он что — стахановец?

— Да нет же. На Тверской улице, — объяс-

нял подробно Боликовский, — была знаменитая булочная, принадлежавшая Филиппову, и там продавали изумительные пирожки. Они славились на всю Россию. Ну кто не помнит филипповских пирожков? С капустой, с печенкой, с рыбой, с вареньем. Это были чертовски вкусные пирожки! Они таяли во рту. О, я бы дорого дал, чтобы вновь их попробовать!

— И теперь есть пирожки, — утешили его командиры, — и тоже очень вкусные. Есть и с печенкой, с яйцами, с рисом...

— Да, конечно, — вздохнул Боликовский. — Но все это не то... А калинское пиво еще существует? — оживился он вновь.

Молодые люди знали много сортов пива, но про этот сорт они услышали впервые.

— Полярное пиво, — перечисляли они. — Московское. Ленинградское.

— Да, — произнес он в раздумье, — я бы дорого дал за стакан калинского пива... А, скажите, асмоловский табак еще можно там достать? А шустовский коньяк? — продолжал трогательно расспрашивать Боликовский обо всех этих вещах, как о добрых старых знакомых.

Командиры объяснили ему, что никто уже в России не помнит Шустова, Асмолова и Калинин.

— Но, — говорили они, — и пирожки у нас вкусные, и пиво неплохое, и коньяк хороший, и табак отличный. Вот попробуйте, — и командиры протянули коробку с папиросами «Казбек».

Боликовский закурил, похвалил и, заметив, что все же за папиросы, набитые асмоловским

табачком, он бы дорого дал, стал сразу расспрашивать о Сандуновских банях.

Командиры стали рассказывать все, что помнили о Сандунах. Пожилой господин слушал, поеживаясь и кряхтел от удовольствия.

— Но дух, пар, наверное, уже не тот? — спросил он вдруг с какой-то слабой надеждой.

— Почему же? — недоумевали командиры.

Но Боликовский их не слушал и принялся сам с упоением восхвалять Сандуновские бани:

— Я объездил весь свет и смею вас заверить: нет в мире лучше Сандуновских бань! А как там мыли!.. Боже мой, как там мыли! А какое наслаждение лежать на верхней полке, а тебя веником, веником... Был там мойщик Захаров. Это артист! Уверю вас: артист своего дела! Эдакий русский Аполлон. Он был тогда совсем молод. И вот как хватит тебя эдакий Аполлон веником — сердце взбодрится, кровь взиграет. Незабываемое время!.. И мойщика, как сейчас помню, — добавил он мечтательно, — Ларьков, Захар Дементьевич. Как мыл, подлец! Я бы дорого дал, чтоб хоть еще раз в жизни испытать это удовольствие.

— Он больше уже не моет. Давно не моет, — ровным голосом сообщил один из военных.

— Вы его знаете? — спросил Боликовский.

— Как же! Ларьков, Захар Дементьевич, — наш полковник. Мы его биографию хорошо знаем. И он так смешно рассказывает, как ему пришлось быть мойщиком в Сандунах. Где-то даже об этом написал.

— Вот как, — глухо произнес Боликовский и, не глядя на командиров, быстро допил пиво, расплатился и исчез.

2. Шолом алейхем, товарищи!

ДОНЦЫ вступили в местечко, населенное Евреями. Польские власти бежали. Евреи, молодые и старые, женщины и дети с алым флагом, с георгинами, астрами и охапками полевых цветов вышли навстречу советским войскам. Заметив у кавалеристов красные лампасы, в толпе тревожно загудели: «Казак! Казак!» Старики и старухи поспешно расходились по домам. Командиры и бойцы недоумевали. «Что случилось?» — думали они. Кто-то из молодых евреев объяснил, что они испугались казаков, так как хорошо помнят царских казаков.

Командир, что-то сообразив, прищипорил коня, быстро настиг «отступающих» и приветствовал их:

— Шолом алейхем!

В этом году, когда в Советском Союзе праздновали юбилей знаменитого еврейского писателя Шолом Алейхема, командир прочел его биографию, откуда и узнал, что «Шолом Алейхем» — псевдоним и значит «Здравствуй-те!» Теперь он вовремя это вспомнил.

— Шолом алейхем, товарищи! — повторил громко этот бравый казак и поднял руку.

Евреи с просветленными лицами, со слезами обнимали и целовали своих новых прекрасных друзей.

Б. ЛЕВИН

Модный писатель

Писатель Н. — известный щеголь:

Одет он с головы до ног,

Как дэнди, в импортное... Гоголь

Так одеваться бы не мог!

Но скромным людям надо много ль?

Насколько я могу судить,

Писать не может он, как Гоголь,

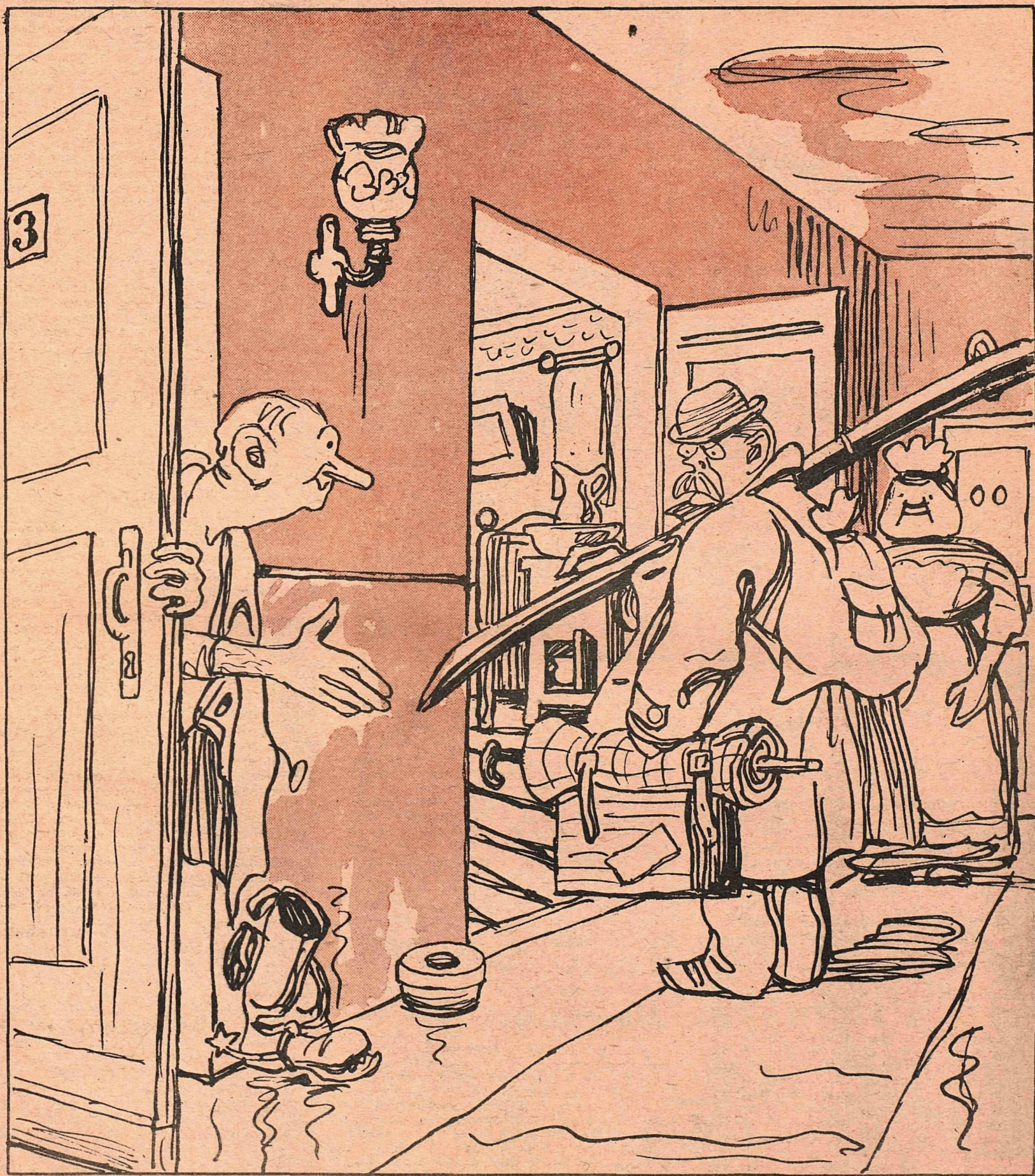
Но может гоголем ходить.

ИОСИФ УТКИН

В ПАРИЖЕ

(Картинка ближайшего будущего)

Рис. Л. Бродаты

БЕК (Каяндеру): — Наконец-то мы с вами имеем общую границу!

Тихий человек

Под выходной день к дворнику Ивану Савельевичу Прахову пришел в гости истопник Вася Чучиков, бывалый молодой человек в пиджачке с галстуком цвета той чудовищной лазури, которую у нас создает нездоровая фантазия художника и плохое качество анилиновых красок.

Приятели выпили водки, поговорили о жизни, дружно поругали своего управдома. Потом Чучиков сказал:

— Некультурно живешь, Иван Савельевич, между прочим. Сидишь у себя в норе и, как говорится в песне, — ни туды и ни сюды.

— Я человек тихий, — ответил дворник.

— Ты должен развивать свой культурный рост. Сходил бы в театр, что ли.

— Там, брат, за билет пятерку надо отвалить, а то и больше. Я лучше выпью за те же деньги с хорошим человеком. Вот те и театр.

— Ну в кино бы пошел. В кино дешевле. Вот сейчас показывают очень замечательную картину «Минин и Пожарский».

— А я их и так вижу, стоят на Красной площади в обнимку.

Вася Чучиков рассмеялся:

— Чудак-человек! Тебе про Фому, а ты про Ерему. Ну, хочешь со мной в цирк пойти? Бывал в цирке?

— Это где собаки представляют? Был как-то. Давно только.

— Идем сегодня. У меня там дружок работает. Не то львам гривы чешет, не то слонов стирает. Одним словом, по обслуживанию. Он мне пропуск обещал бесплатный.

— Ежели бесплатный, — можно пойти, — согласился Иван Савельевич и стал натягивать свои валенки, которые пришлось бы в пору самому крупному слону.

Приятели вышли на улицу, выпили в ресторанчике для зарядки еще по сто граммов, сели на трамвай и поехали.

Вася Чучиков зашел в цирк с заднего хода, вызвал из-за кулис своего дружка, пошептался с ним и скоро вынес ожидавшему его в вестибюле Ивану Савельевичу пропуск на двоих.

— На верхотуру давай, — сказал он, — ну, ничего, там тоже все видать. Пошли.

В цирке Ивану Савельевичу очень понравилось. Играла хорошая музыка; люди, предвкушая ослепительное и милое зрелище, возбужденно переговаривались и смеялись; дети в радостном нетерпении хлопали в ладоши. Крепко пахло лошадиным потом и зверем, и этот вкусный запах чем-то напомнил Ивану Савельевичу родную деревню, в которой он давно не был.

Наконец началось представление.

Красивые лошадки с расчесанными — словно они только что побывали в своей лошадиной парикмахерской — гривками бегали по кругу арены, скакали через барьеры, танцевали вальс, становясь на задние ноги. А потом кланялись почтеннейшей публике, опускались на колени и склоняя, по знаку дрессировщика, кокетливые головы с умными огненными глазами.

Собака-математик — лохматый пес, с жуликоватой мордой веселого скептика, — решала на кубиках задачи на сложение и вычитание.

Жонглеры ловили горящие лампы на кончики своих волшебных палочек и вращали их бешено, как волчки.

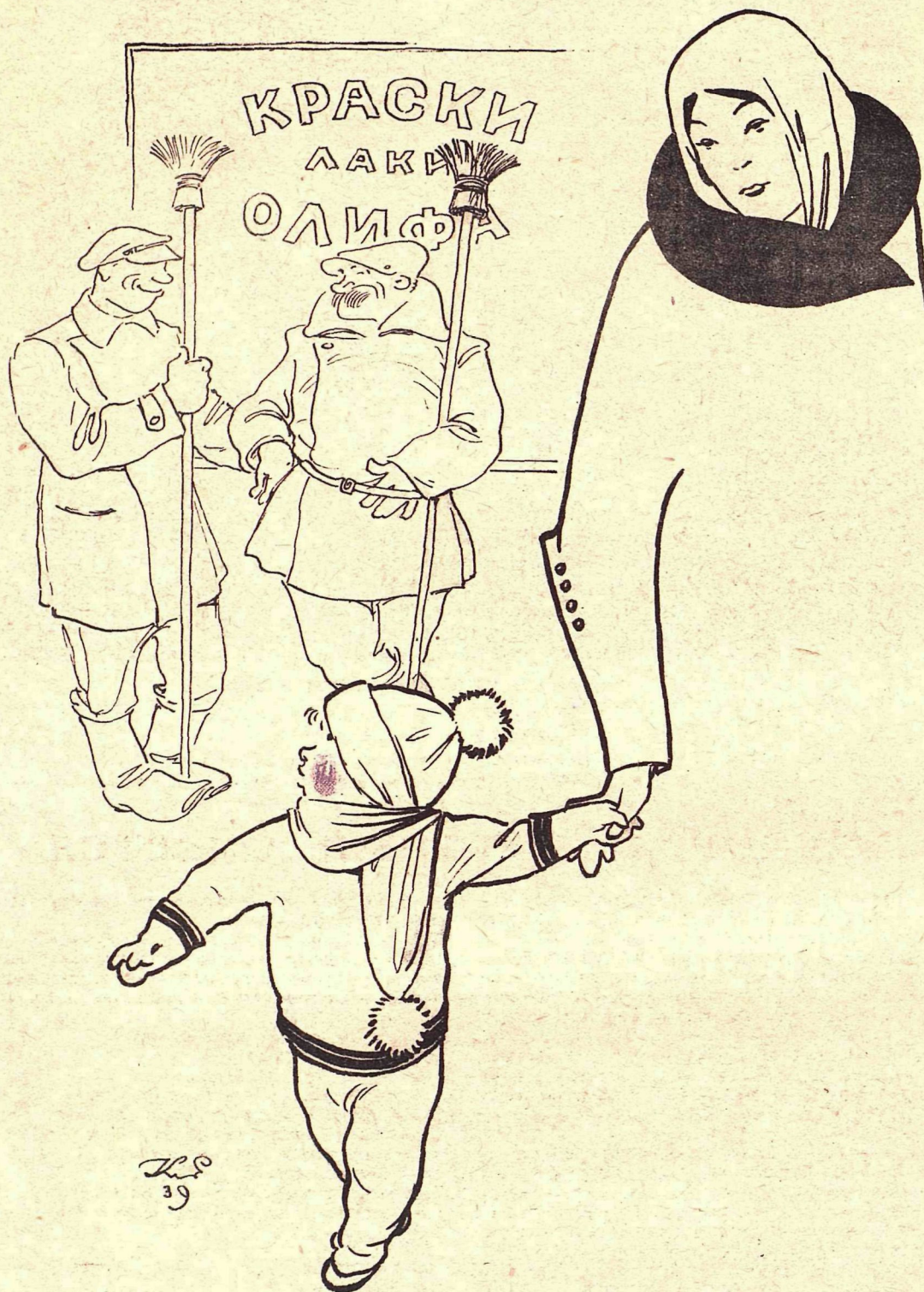
Иван Савельевич в теплоте слегка захмелел, размяк и еще больше подобрел.

Свое восхищение он выражал громко и непосредственно, хватая соседей за рукава и размахивая руками перед их лицами:

— Смотри, смотри, чего этот конь делает! Ай, милай! Танец танцует! Валяй, валяй! Давай хвостотрот.

А про собаку-математика он сказал так:

— Ай, пес, ай, умник! Ему бы еще чуток мозга подбавить, и он, свободное дело, сможет нашего управдома заменить. Как ты, Вася, думаешь, сможет?

— Мама, это художники?

— Нет, маляры. У художников кисти меньше.

Капитан Бадигин

Я слышу далекие
Крики и топот
Из края, где можно
Пропасть без труда, —
То голос метели;
Он резок и тонок,
Как свист молодого,
Тугого прута.
То голос лихого
Противника кормчих —
Полярного шторма
Стремительный рев.
То голос мычащих

То тише, то громче
Рогами сцепившихся
Вздыбленных льдов.
В чем суть? Почему
Так сильно торошенье
И бурным овациям
Удержу нет?
И даль отвечает:
«Идет выдвижение
От округа бурь
Кандидата в Совет!»
Средь глыб и разводий
Пространства седого,
Смотря на Москву

Сквозь тяжелый туман,
Стоит капитан
Ледокола «Седова»,
Спокойный,
Знакомый стране капитан.
И яростным снегом
Хлеща капитана,
Морозом треща
В переборках кают,
Все вьюги,
Все штормы,
Вся ширь океана
Свои голоса
За него подают.

Г. ПОМЕРАНЦЕВ

— Сиди, сиди, Савельевич. Сейчас бокс будут показывать. Первый раз в цирке. Вот насмотришься!

— Чего-то?

— Ну, бокс. Увидишь сейчас.

На арену вышли боксеры. Один был высокий, широкоплечий, с мощными плечами и грудью. Его голые волосатые ноги были похожи на столбы, поросшие шерстью. Другой, потоньше и поизящнее, понравился Ивану Савельевичу больше. Боксеры надели на руки черные шарообразные перчатки и стали друг против друга.

Человек в цирковой униформе назвал их фамилии.

— Что они делать-то будут? — тихо спросил Иван Савельевич истопника.

Вася Чучиков ничего не успел ему ответить, потому что большой боксер вдруг сделал выпад и ударил партнера кулаком, затянутым в перчатку, под вздох.

Иван Савельевич ахнул.

— За что он его, Вася, а?

— Молчи, это и есть бокс.

Между тем боксеры продолжали свое дело. Они прыгали, как петухи, сходились и расходились, их черные кулаки мелькали быстро-быстро.

Иван Савельевич наблюдал бой со страшным душевным волнением.

Сначала он волновался про себя, но когда увидел, что большой боксер одолевает, заерзал на месте и не очень громко, еще слегка стеснясь, сказал:

— Братцы, прекратите! С ума посходили, что ли.

На него зашикали. Кто-то с низу крикнул:

— Это же товарищеская встреча, гражданин!

И сейчас же большой боксер, изловчившись, стукнул своего партнера по скуле так, что тот затряс головой, будто проглотил нечто очень невкусное.

— Хороши товарищи, — горько сказал дворник, поднимаясь с места и вдруг завопил из весь цирк:

— Эй ты, здоровый, прекрати сей минут это безобразие!

Вася Чучиков испуганно вцепился в рукав приятеля, но великан-дворник отшвырнул его как котенка и пошел по лестнице вниз к арене.

— Прекрати сей минут, — кричал Иван Савельевич, багрово-красный от негодования, — а то я тебя мигом в отделение!

Зрители, забыв про боксеров, вскакивали со своих мест, кто-то истерически смеялся, кто-то возмущенным фальцетом требовал «Уберите хулигана»; какая-то полная женщина в зеленом — будто из бильярдного сукна — берете ударила Ивана Савельевича сумочкой по голове, но дворник, не обращая ни на что внимания, обрушивался вниз, как лавина.

Он оказался на арене в тот момент, когда большой боксер, нокаутировав противника, стоял в позе победителя над его распростертым телом, расставив ноги и сжимая свои страшные кулаки. Судья отсчитывал секунды.

— Ты что ж это делаешь, голый чорт? — грозно сказал дворник и левой рукой схватил победителя за трусики.

Боксер от удивления ничего не ответил.

— Уйдите, гражданин, — лепетал судья, — что вы делаете, уйдите.

— Вот я его сейчас поучу, — повторил дворник и, вдруг, крикнув, ударил большого боксера со всего размаха по уху.

Большой боксер икнул и упал как подкошенный рядом с побежденным.

Цирк свистел, ревел, гудел и хохотал.

...В отделении милиции, подписывая протокол, Иван Савельевич, уже трезвый и очень печальный, смущенно объяснял дежурному:

— Ошибся, товарищ дежурный. Я думал: они всеерьез. Ну, вот, кого хотите спросите, товарищ дежурный, вам все скажут, что я человек тихий. Я этого буянства и хулиганства видеть не могу, товарищ дежурный.

— Ладно, ладно, — сказал дежурный, — посидишь до утра, там видно будет. Ты этому чемпиону два зуба выбил, между прочим...

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

— Машиниста Степанова знаешь?

— Еще бы!

— Женился.

— На ком?

— На начальнике станции.

Человек, который смеется

ДЕЛО было в бане. Бухгалтер Федор Иванович Шейкин пришел помыться. Шейкин разделся и вошел в мыльную. Взяв две шайки, он прошел вперед и стал облюбовывать себе место. Повсюду слышались громкие разговоры, смех, и это скверно действовало на Федора Ивановича. Ему хотелось тихого и спокойного соседа. Он долго искал его, наконец нашел. Тот мылся у стены, молчаливый и серьезный. Федор Иванович подошел к нему и расположился напротив. Больше всего ему понравилась у гражданина борода.

«Серьезный мужчина», — подумал Шейкин и, взяв шайки, пошел за водой. Набрал в одну. Отнес. Набрал во вторую. И, когда, вернувшись, хотел уже мыться, вдруг обнаружил, что вода из первой шайки куда-то исчезла. Он удивился. Посмотрел на соседа. А тот отвернулся и чему-то смеется. Федор Иванович посмотрел на него строго, но ничего не сказал. Взял шайку и опять за водой пошел. Принес. Уселся на скамью и, закрыв глаза, стал мылить голову. Когда потянулся к первой шайке, она опять оказалась пустой. Федор Иванович открыл глаза. Слышит: гражданин с бородкой смеется громче. Шейкина охватила злость.

— Гражданин, — сказал он, — бросьте шутить!

— Я вас не понимаю.

— Прекратите воду выливать! — закричал Федор Иванович.

Гражданин невинно посмотрел на Шейкина. — Что вы, что вы, — сказал он, а сам смеется пуще прежнего.

Федора Ивановича передернуло. Взял он шайку и опять за водой пошел. А самого трясет как в лихорадке. Принес воду, сел и вновь стал голову мылить. Мылит, а сам за гражданином смотрит. А он ничего, сидит смирно. Тогда Федор Иванович для вида глаза закрыл, но сам все видит. Вот гражданин поднялся. «Сейчас я тебя накрою», — мелькнуло у Шейкина. Но тут как на грех в глаза мыло попало. Пришлось их закрыть. Когда открыл, шайка опять оказалась пустой. Федор Иванович не мог уже усидеть. Он подошел к гражданину и взял его за бородку.

— Вы что же, — сказал он, — прекратите издевательства?

— Милиционер! — закричал гражданин.

В бане сразу все стихло. Затем раздался свисток, и к месту происшествия, расталкивая людей, подошел голый человек со свистком на шее.

— В чем дело? — спросил он.

— Вы милиционер?

— А вы что, не видите?

И он показал на свисток. Он всегда носил его в баню. Произошло это после того, как однажды во время скандала в бане его не захотели признать за милиционера.

— Что случилось?

Человек с бородкой указал на Шейкина:

— Составьте на него протокол... Он меня в физиономию.

— За что?

— Он у меня воду выливал, — сказал Федор Иванович.

— Какую воду? — спросил милиционер.

— Обыкновенную. Выльет, а потом надо мной же и смеется.

Гражданин с бородкой подошел к милиционеру.

— Товарищ милиционер, — сказал он, — не выливал я. А что смеялся, так это верно, смеялся.

— А чему вы смеялись?

— Да как же, товарищ милиционер. Интересно: человек наливает воду, хочет мыться, а воды нет.

— Куда же она девалась?

Гражданин взял шайку Федора Ивановича и показал ее на свет. Все дно было усеяно мелкими отверстиями.

— Утекала, — и гражданин опять рассмеялся.

Тут Федору Ивановичу стало неудобно.

— Гражданин, — сказал он, — приношу извинения. Нужно бы не вас оскорбить, а заведующего...

Гражданин немного помолчал, потом упавшим голосом проговорил:

— А я и есть заведующий.

Гр. КУЗНЕЦОВ

Canis vulpes
(vulg.)

Лисица
обыкновенная.

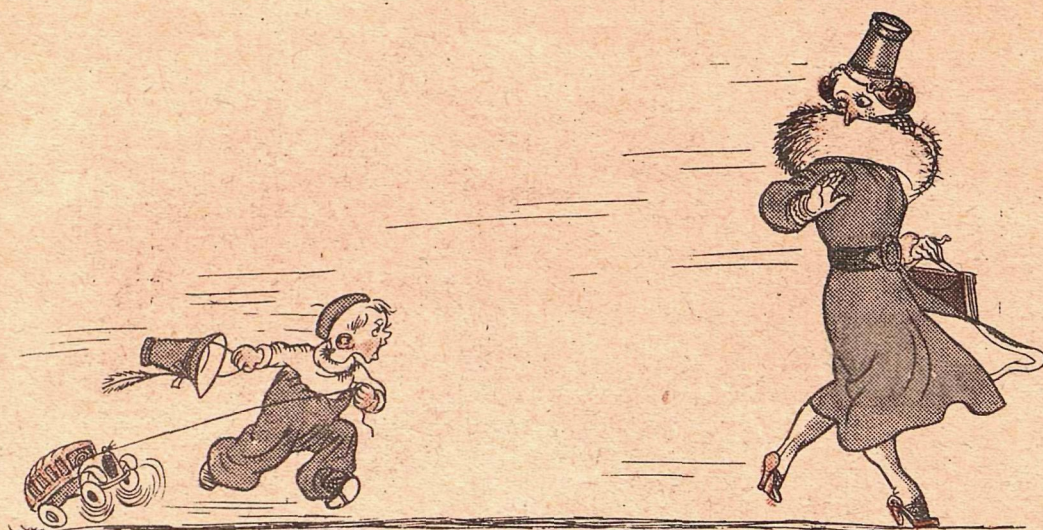

Рис. П. Лиса

КРИК МОДЫ

— Мама! Ты перепутала, надела мое ведерко, твое ведерко с пером...

НЕОБХОДИМОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Если у вас есть патефон и пластинки, охраняйте их от пыли, ударов, экспансивных гостей, детских шалостей и... никогда не пользуйтесь «Правилами прослушивания «говорящих писем», изданными «Ателье звукозаписи фабрики Всесоюзного радиокомитета».

Самое задушевное говорящее письмо любимой девушки звучит как-то мрачно после прочтения пункта 4-го этих «Правил»:

«4. Прослушивая пластинку на патефоне, имеющий автоматический тормоз, последний должен быть обязательно выключен».

Слушаете вы после этого, изычно изложенного пункта мягкий голос любимой девушки, а мысли у вас текут печальные: о плохой постановке преподавания в средней школе, в которой обучался странный редактор Радиокомитета.

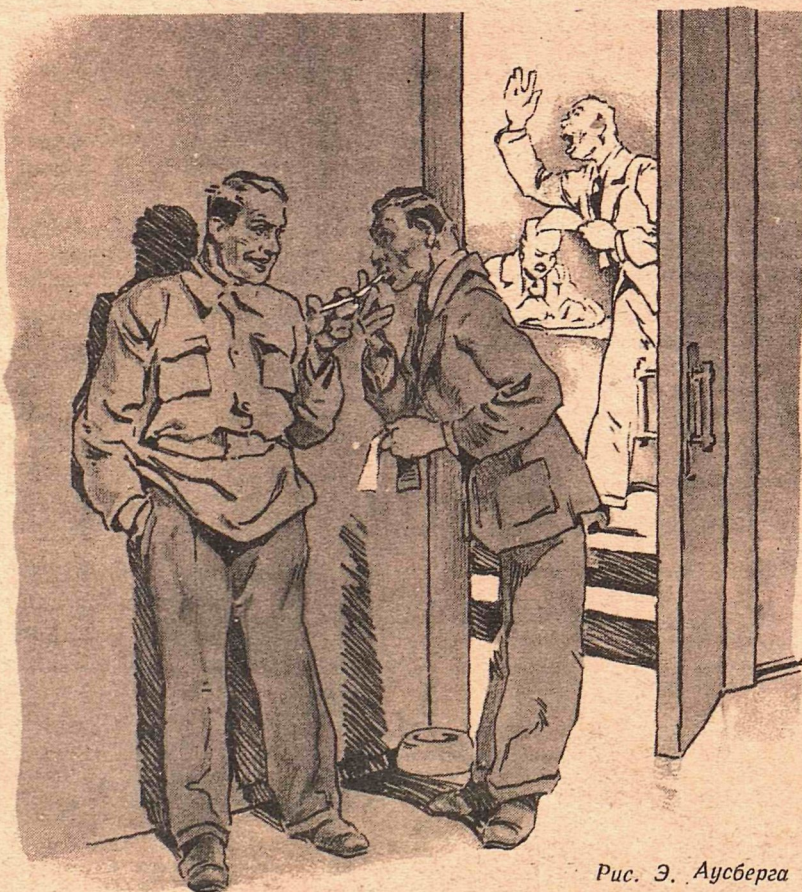

Рис. Э. Айсберга

НИЧЕГО НЕ ИЗМЕНИЛОСЬ

— Бойко читает свой доклад предместкома.
— Еще бы! Ведь он читает свой прошлогодний доклад.

269
39

СКЛОКА В ЗО

— Интересно знать, на какие с...
вается?

Тайные

Есть люди, у которых очень много свободных часов.

Им бы какой-нибудь маленький, сокращенный денек. А тут как назло кто-то выдумал, что в сутках обязательно должно быть целых 24 часа, ни секунды меньше. Куда девать столько лишнего времени?

Над этой проблемой долго мучились два жителя Донбасса: П. И. Колякин, заведующий шахтой № 1-2 «Горская», и старший нормировщик той же шахты В. Е. Овсиенко. Мучились, страдали и пришли к твердому решению:

— Надо позабыть.

Но тут возник другой проклятый вопрос:

— Как?

После длительных совещаний пришли к единодушному выводу:

— Будем забавляться, как умеем.

Разумное решение немедленно претворили в жизнь. Калякин и Овсиенко начали забавляться, как умеют.

Вызвали хронометражиста Аврутина.

— Пинкертон знает?

— А он с нашей шахты?

— Не то. О сыщике Пинкертоне читал?

— Мельком. И то в далеком детстве. А ныне, кроме приказов по шахте, никаким чтением не отвлекаюсь.

— Ну, так вот. Завтра целый день до поздней ночи будешь исполнять обязанности Пинкертон. Сверхурочные будут оплачены. Понял?

— Как прикажете.

— Как солнце взойдет, начнешь следить за начальником участка № 8. Следить — и до мельчайших подробностей записывать. Зевнул — запиши. Улыбнулся — отметь. Кашлянул — зарегистрируй. Понял?

— Как прикажете.

— Действуй с головой, соблюдая правило «Я тебя вижу, ты меня нет. Ты меня видишь, а я тебя нет».

* * *

На другой же день, поздно вечером, хронометражист Аврутин доставил начальству документ на четырех страницах, аккуратно перепечатанный на пишущей машинке.

Документ состоит из 68 пунктов.

Собственно говоря, это не «пункты», а живые кинокадры из приключенческого фильма. Сценарий носит следующее интригующее название:

«Тайное хронометрическое наблюдение за начальником участка № 8 (следует имя, отче-

ство, фамилия) за 9 октября
сутки — 24 часа».

Следопыт проснулся очень рано, приступил к исполнению своих обязанностей.

В 6 часов 40 минут в та...
занесена первая запись:

«Пришел из квартиры в...
комбината».

Каждый кадр в этом сценарии...
четыре графы: 1) наименование участка, 2) начало операции, 3) конец операции, 4) длительность операции.

Так например под № 3 записано:
операция:

«После дачи наряда за...
нарядной с начальником участка...
плана добычи и других...
ворами».

Начало этой операции —...
Конец операции —...

Итак, теперь нам ясно, что...
участка ушло на беседу о...
тому подобные «пустые разг...»

Так и записано:

«Длительность операции —...»

Тут же рядом следующая запись:

«Нач. уч. № 2 ушел от...»

«Нач. уч. № 2 ушел от...»

«Нач. уч. № 2 ушел от...»

«Нач. уч. № 2 ушел от...»

«Нач. уч. № 2 ушел от...»

«Нач. уч. № 2 ушел от...»

«Нач. уч. № 2 ушел от...»

«Нач. уч. № 2 ушел от...»

«Нач. уч. № 2 ушел от...»

«Нач. уч. № 2 ушел от...»

«Нач. уч. № 2 ушел от...»

«Нач. уч. № 2 ушел от...»

«Нач. уч. № 2 ушел от...»

«Нач. уч. № 2 ушел от...»

«Нач. уч. № 2 ушел от...»

«Нач. уч. № 2 ушел от...»

«Нач. уч. № 2 ушел от...»

«Нач. уч. № 2 ушел от...»

«Нач. уч. № 2 ушел от...»

«Нач. уч. № 2 ушел от...»

«Нач. уч. № 2 ушел от...»

«Нач. уч. № 2 ушел от...»

«Нач. уч. № 2 ушел от...»

«Нач. уч. № 2 ушел от...»

«Нач. уч. № 2 ушел от...»

«Нач. уч. № 2 ушел от...»

«Нач. уч. № 2 ушел от...»

«Нач. уч. № 2 ушел от...»

«Нач. уч. № 2 ушел от...»

«Нач. уч. № 2 ушел от...»

«Нач. уч. № 2 ушел от...»

«Нач. уч. № 2 ушел от...»

«Нач. уч. № 2 ушел от...»

Canis vulpes
(argent)

Лисица
серебристая
(чернобурая)

Рис. К. Елисеева

ОПАРКЕ
редства эта чернобурая оде-

забавы

1939 года, полные

рано и прямо на-
нению своих слож-

ый хрон-метраж

рядную шахтного

арии разбит на че-

е операции, 2) на-

перации и 4) дли-

начится следующая

имался в этой же

стка № 2 о выпол-

ими пустыми разго-

7 часов 00 минут

7 » 23 »

что у начальника

ыполнении плана и

говоры» 23 минуты.

— 23 минуты.

запись:

него, а последний

рядной без вся-

зговаривал.

не разговаривал»—

уты, кончилась она

итоге — «длитель-

в том, что началь-

етил у проходных

гласит цитируемый

ровно в 7 часов

в 09 минут. То есть

А под № 24 записано:

«Вышел в общую нарядную, где стоял, безо всякого дела сам». Начало операции — 9 часов 06 минут. Конец операции — 9 часов 09 минут. Длительность операции — 3 минуты.

Пинкертону порой надоедают сухие пометки, и он подпускает художественные краски, держа слегка пошутить.

Вот, например, операция, которая длилась 6 минут:

«Подшел к группе рабочих, с которыми разговаривал и просил их, чтобы они развеселили его душу, сердце».

Одна из операций охарактеризована так:

«Помычал себе под нос».

Помычав под нос, начальник участка пошел к себе на квартиру. Хронометражист следовал за ним, как тень. Шел и мерил шаги:

«Пошел в свою квартиру и зашел в нее, расстояние — 600 метров (что в квартире делал, для меня неизвестно)». Операция длилась 9 минут.

Это было днем. И Пинкертону никак не удалось подсмотреть, что делал у себя на квартире начальник участка шахты в течение целых 9 минут.

Но зато поздно ночью он многое видел. Он прильнул к щелочке в ставнях, следил, смотрел на часы и записывал:

«Пошел на квартиру и зашел на квартиру».

Начало операции — 0.16 минут. Конец операции — 0.26 минут. Длительность операции — 10 минут.

«После этого разделся, сел за стол, поужинал».

Начало операции — 0.26 минут. Конец операции — 0.45 минут. Длительность операции — 19 минут.

«После этого разделся до нательного белья, лег на кровать, укрылся одеялом, потушил свет, а дальше я ничего не мог увидеть, т. е. темнота».

Начало операции — 0.45 минут. Конец операции — 0.50 минут. Длительность операции — 5 минут.

На этом тайный хронометраж обрывается. «Потушил свет, а дальше я ничего не мог увидеть». О, эта проклятая неизвестность!..

Вот как забавляются руководители шахты № 1—2 «Горская» треста «Первомайскуголь».

Скажи мне, как ты забавляешься, и я скажу, кто ты...

Г. РЫКЛИН

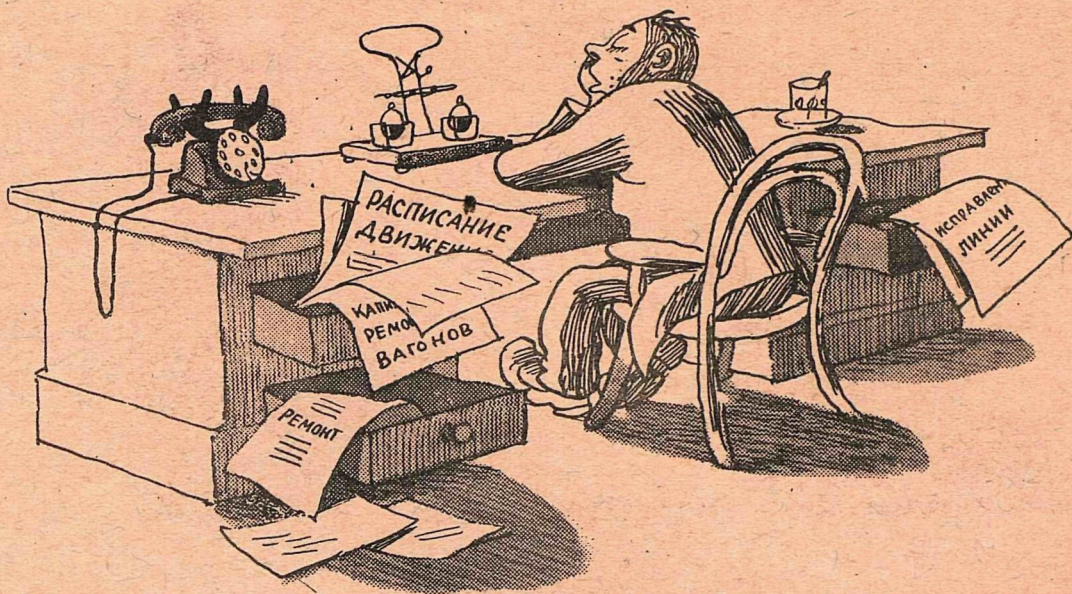

Рис. Евгана

Стол забытых вещей Мострамвайтреста.

И МЫ «НЕ ХОЧЕМ»

Поэт А. Ошкуков меньше всего предназначал свои стихи для Крокодила. Больше того, мы имеем основания полагать, что публикуем эти стихи вопреки желанию автора. Но мы считали бы несправедливым, чтобы о творчестве А. Ошкукова знала только ограниченная аудитория читателей нелидовской районной газеты «Колхозная правда».

В этой газете 15 октября были опубликованы следующие стихи А. Ошкукова, которые, к сожалению, мы вынуждены дать в выдержках:

«Нет, корабль идет,
На море качка снова,
Кипенье вод,
Шумит вода о мол...
Иль подогретый
Пламенем багровым
Недостаточно кипит
Воды морской котел?..
Нам надоело,
Мы войны не хотим...
Иль ваши жены высушили очи?»

Разве мог редактор «Колхозной правды» устоять перед такими ослепительными и оригинальными стихами? Разве мог он отказать поэту? Нет, он не смел этого сделать: редактор газеты А. Ошкуков опубликовал стихи поэта А. Ошкукова.

Мы же в свою очередь «не хотим» лишить наших читателей такого огромного удовольствия и решили хотя бы в выдержках ознакомить их с творчеством А. Ошкукова — поэта и редактора.

Рис. И. Дубинского

Кто — продавец, кто — покупатель?

— А все-таки мы москалей перехитрили. Ведь мировые рекорды по бегу держим мы.

Сапожник-формалист

Б А С Н Я

В сапожной мастерской измученный заказчик, шипя, натягивал сапог.

Он топал

о пол,

упирался в ящик,

кряхтел,

пыхтел,

но натянуть не мог.

Подручный мастера, смотря на эти муки, все время издавал восторженные звуки.

Но, видя, что заказчик стал сердит, сказал: «Вы знаете, кто шил вам пару эту? Сей мастер по всему району знаменит!

Он числится у нас сапожником-поэтом:

взгляните сами на сапог —

какие линии, какой носок,

Какой роскошный рант, какой под'ем

культурный!

В нем ясность греческой котурны

И лаконизм шекспировских ботфорт!»

Заказчик отвечал: «Сапожки первый сорт да тесны...»

«Бросьте эти споры!

Вы за натурализм! Вам лишь бы было впору!

Чтобы легко надеть и натурально снять!

Вы душу мастера не можете понять,

а мастер формой увлечен нагою!»

«Да мне-то как же быть?» — «Работать над ногою,

чтоб стала ваша грубая нога

способна к восприятию сапога!»

С. БОЛОТИН

ЗАГАДОЧНЫЙ МИКРОБ

В этом тяжелом случае медицина оказалась почти бессильной. Лабораторными исследованиями до сих пор не удалось с точностью установить, какой именно микроб завелся в голове Деркача, заведующего кафедрой микробиологии 2-го харьковского медицинского института. А микроб есть и уже оказывает свое болезнетворное влияние.

Об этом ярко свидетельствует приказ Деркача, устанавливающий ежедневное дежурство по кафедре микробиологии. Дежурным (доценту М. Нечаевской, старшему ассистенту Л. Каценельсон и др.) вменяется в обязанность

«проверять и закрывать водопроводные краны, проверять электроосвещение и электроприборы, ключи от помещения кафедры сдавать швейцару».

Предполагают, что заболевание Деркача вызвано бациллой «стрепто-самодурус», но окончательное решение возможно лишь после компетентной консультации дирекции Института.

Ю б и л е й

СОТРУДНИКИ пошивочной мастерской «Личный вкус» праздновали трехлетний юбилей своего директора Якова Львовича Мумиевского.

Чествование происходило в главном зале мастерской. Столы были сдвинуты и покрыты белоснежными, сверкающими скатертями.

Банкет начался чудесно: звенели ножи, вспыхивало вино в легких бокалах, и бледный от счастья Яков Львович не успевал отвечать на поздравительные тосты.

Внезапно под восторженные выкрики сослуживцев поднялся старый портной Брюкис и, капая в свою тарелку хрустальными слезами, зачитал длинный, как полотенце, адрес. Вслед за этим юбиляру было сделано подношение: грандиозный супер-портфель из лакированной бизоньей кожи, окованный сверкающим металлом, точно сундук.

Растроганный Яков Львович через весь стол потянулся к старому Брюкису и страстно поцеловал его в полированную, сияющую лысину...

Отпировав положенное время, сотрудники, с грохотом отодвигая стулья, вылезли из-за стола. Молодежь, уведя единственную даму — кассиршу Эллиу Андреевну — к дивану у окна, начала легкомысленный флирт. Более пожилые, окружив юбиляра, продолжали изясняться ему в своих чувствах.

Неожиданно из угла молодежи раздался взрыв смеха и громкие аплодисменты. Яков Львович со свитой проследовал туда и увидел счетовода Збруевича, который для забавы окружающих показывал различные мелкие фокусы со спичками и монетами.

— Вот не знал, что вы такой мастер на эти дела, — снисходительно заметил Яков Львович, обращаясь к зардевшемуся от успеха Збруевичу.

Завязался общий разговор о фокусниках, хиромантах, всевозможных чудесах и черной магии. Начальник отдела петель и стежков Тушканчик припомнил виденного им несколько лет назад знаменитого фокусника Кефало, ко-

торый вытягивал изо рта километры разноцветных шелковых лент.

— Это что, — промолвил Збруевич. — Вот я видел фокусника, который заставлял людей исчезать.

— То есть как исчезать?

— А так. Начисто. Был человек, и нет человека.

Все загаддели, подвергая сомнению слова счетовода, Збруевич покраснел.

— Вы, конечно, можете мне не верить, — сказал он с обидой в голосе, — а только я своими глазами это видел!

— Позвольте. Да как же ваш фокусник мог это сделать? — раздраженно сказал Яков Львович. — Человек же, так сказать, — существо материальное, состоящее из мяса и костей, не говоря о прочем. Не так ли? Каким же образом могло произойти исчезновение?

— Про мясо мне неизвестно, — упрямо сказал Збруевич, — а исчезновение происходило так: фокусник брал большой кусок материи... Элла Андреевна, позвольте вашу шаль на ми-

нутку... Спасибо... Так, значит, фокусник брал материю и загораживал ею от публики своего ассистента...

Счетовод, демонстрируя фокус, растопырил руки и закрыл пестрой, как японская ширма, шалью кассирши стоявшего рядом с ним Якова Львовича. Все отступили, чтобы лучше видеть.

— Затем, — обращаясь к сослуживцам, сказал Збруевич, — фокусник произносил: «Ейн, цвей, дрей» — и отдергивал покрывало.

Счетовод отдернул шаль в сторону и... в ужасе уставился выкатившимися глазами в пустое место. Все обмерли. Юбилера в комнате не было.

— Что же это такое? — побелевшими губами прошептал Збруевич. — Он же только что тут был.

Испуганный насмерть счетовод оглянулся вокруг. Но шефа не было.

— Вы хоть помните, как ваш фокусник возвращал людей обратно? — нервно крикнула кассирша.

— Тем же путем, — с внезапной надеждой сказал Збруевич.

— Сейчас я попробую.

Он взял шаль, загородил пустое место, где минуту тому назад находился Яков Львович, срывающимся голосом произнес: «Ейн, цвей, дрей» — и отбросил материю. Холодный пот проступил у него на лбу: директора не было.

— Да-а... — многозначительно промолвил заведующий стежками. — Заварили вы кашу, товарищ Збруевич. Откровенно говоря, я вам не завидую.

— Отвечать все будем, — трусливо пробормотал Збруевич. — Кто подстрекал? Кто шаль одолжил?

— Извините, пожалуйста! — визгливо закричала кассирша. — Я с вами никаких дел не имела и надеюсь, что иметь не буду.

— Нет худа без добра, — вдруг произнес молчавший до сих пор портной Брюкис. — По крайней мере, нам дадут нового директора вместо этого зверя, который, если говорить правду, пил кровь из живых людей.

Неожиданный поворот дела понравился сотрудникам.

— Это верно, — сказал заведующий стежками. — Яков Львович был выдающейся сволочью. За что он дал мне выговор недавно?

— А какие штучки этот наглец проделывал с жалобной книгой, — страстно сказала Элла Андреевна. — Каждую неделю он разными почерками вписывал себе благодарность за якобы хорошее обслуживание. А кто сам себя премировал?

Чувствуя полнейшую свободу, сотрудники мастерской принялись обличать исчезнувшего шефа в ужасных грехах. Поднялся крик.

— Да что говорить: это был фрукт! — саркастически заметил Тушканчик.

— А махинации, которые он себе позволял? — завопил Брюкис. — Кто сшил себе коверкотный костюм из материала заказчика? Наш дорогой директор. А кто за это отвечал? Я отвечал. Это счастье, что мы от него избавились!

— А кто... — начал было ободренный счетовод и внезапно осекся.

На лице его появилось выражение ужаса. Он смотрел в одну точку.

Мгновенно замолчавшие сослуживцы проследили его взгляд. Из большого конторского шкафа торчал ущемленный дверцей уголок серого коверкотного пиджака. В комнате наступила мертвая тишина.

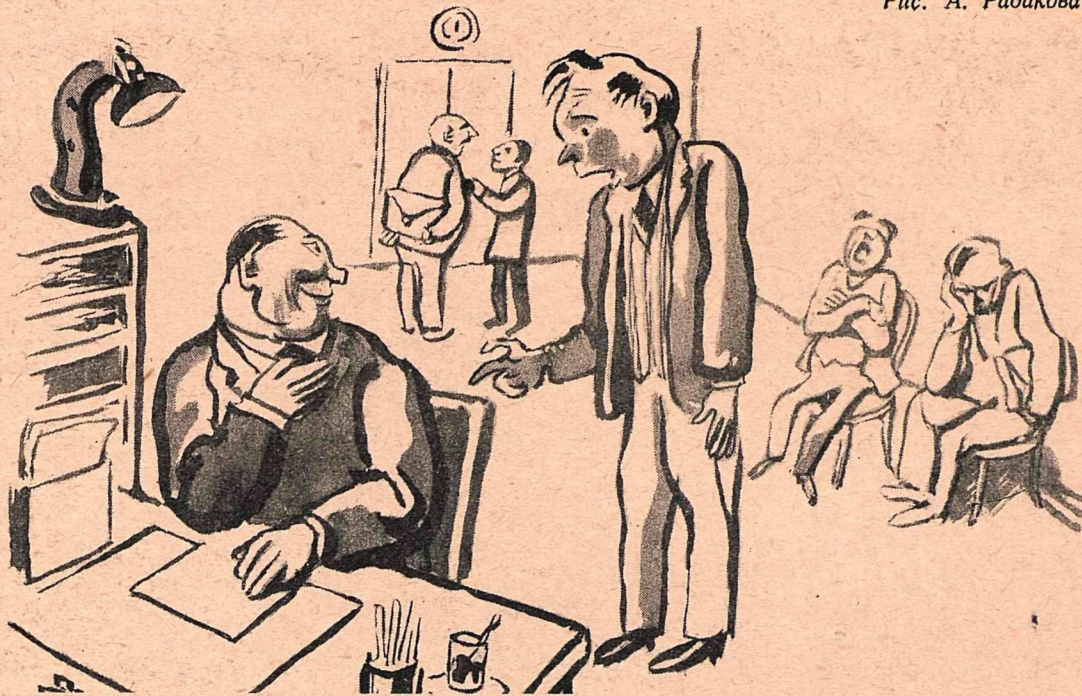
Первым на цыпочках пошел к дверям Брюкис. За ним, стараясь не шуметь и не смотря друг на друга, — все остальные. Когда последний служащий исчез, дверца шкафа отворилась, и оттуда боком вылез помятый, встрепанный юбилер.

Была тишина — и в сиянии электрических ламп отливала лаком и металлом роскошный юбилейный портфель.

МАРК БЕРЕСНЕВ

ОБЩИТЕЛЬНОСТЬ

Рис. А. Радакова

— Я к вам хожу уже два месяца — и вы до сих пор не рассмотрели моего заявления.

— А я предпочитаю бумажному знакомству знакомство с живым человеком.

Г р о м о б о й

КОГДА я прихожу к себе на работу, я попадаю прямо как в рай. Сослуживец мой Серафим Карпыч, с которым я сижу с глазу на глаз в одной комнате, — редких душевных качеств человек: вежливый, тихий, в обращении мягкий. Другой на его месте давно взбесился бы, а этот только улыбается. Тоже не всякий в должности делопроизводителя улыбаться станет. Ведь от кого ему, бедному, только не попадает!

Входит начальник, выражение лица целеустремленное:

— Найдите мне, помните, мы осенью писали, бумажку о неиспользованных ресурсах...

А Серафим Карпыч не помнит. Краснеет, мучается и не помнит. Может быть, он как раз этой осенью был влюблен, и все бумажки были перед ним, как в тумане, или, может, он разнашивал тесные бапки и ходил, как лунатик.

А начальник ждет и наигрывает пальцами по столу и потом говорит чеканным голосом: «Чорт его знает, что такое!» — и уходит, хлопнув дверью.

А то вдруг влетит Анна Макаровна из ветеринарного отдела. От нее уж просто спасения нет. Мало того, что она тоже начальник, она еще и женщина, нервная и властная. «Я, — кричит, — горю на работе, а тут кое-как сидят и неизвестно, что делают!»

И даже я, хоть и не большой начальник, а тоже Серафима Карпыча изредка допрашиваю: «Опять конвертов нет! Когда же вы мне, наконец, скоросшиватель дадите?»

— Есть конвертики, — кротко отвечает Серафим Карпыч. — И скоросшиватель дамсию минуточку.

И снова вокруг нас воцарялись райская тишина и спокойствие.

Зато, возвращаясь из такого рая домой, я попадаю прямо как в ад.

«И флорентийский дух, кругом тесним, Рвал сам себя зубами в гнев диком...»

Не жил Данте в моей квартире, а то он непременно что-нибудь еще пострашнее написал бы. Теперь я отлично понимаю бывшего хозяина этой комнаты, когда он недавно прямо-таки вдохновенно обменял все свои удобства на мою проходную полутемную.

Дело в том, что стены в квартире тонкие, и как раз у меня за стеной живет какой-то «громобой». Так я себе его и представляю: то большим, как Голиаф, то маленьким и вредным, как Черномор, но всегда одинаково сви-

репым, судя по рычанию. А рычит он с самого утра:

— Человек на р-р-работе гор-р-рит! Ответственную должность занимает! Секретные дела р-р-решает! И хоть бы один пар-р-разит о человеке позаботился!

Почему-то ему кажется, что призвание паразитов — именно заботиться о человеке. Ему отвечают тонкий женский голос, иногда детские всхлипывания на высоких нотах, — очевидно, это жена и детеныш «громобоя». Иногда гудит обиженное контральто «громобоевой» тещи.

— Человек гор-р-рит, а ему даже вор-р-ротничка никто путем не выгладит!.. Тр-р-рое вас, кажется, пор-р-ра запомните, что человек любит кофе с пенками!

— Если вы на меня намекаете, мой батюшка, — оправдывается тещино контральто, — так знайте, что меня от ваших пенек мутит.

— Тр-р-ребу, чтоб со стола никто не брал моих спичек!

— Папочка, я больше не буду, — жалостно пищит детеныш.

— Чор-р-рт знает, что такое! — чеканит «громобой» и уходит на работу немного раньше меня.

Возвращается немного позже. И до самой ночи он рычит и громит за неприщитую пуговицу, за то, что в суп положили лапшу, а не вермишель:

— Пор-р-ра, кажется, затвердить, что человек любит вер-р-рмишель! Тр-р-ребу прекратите хождение по комнате, когда я р-р-работую! Всех р-р-разгони! Р-р-распатрони!

И, наконец, совсем страшное слово — «Рас-тр-р-ребу!»

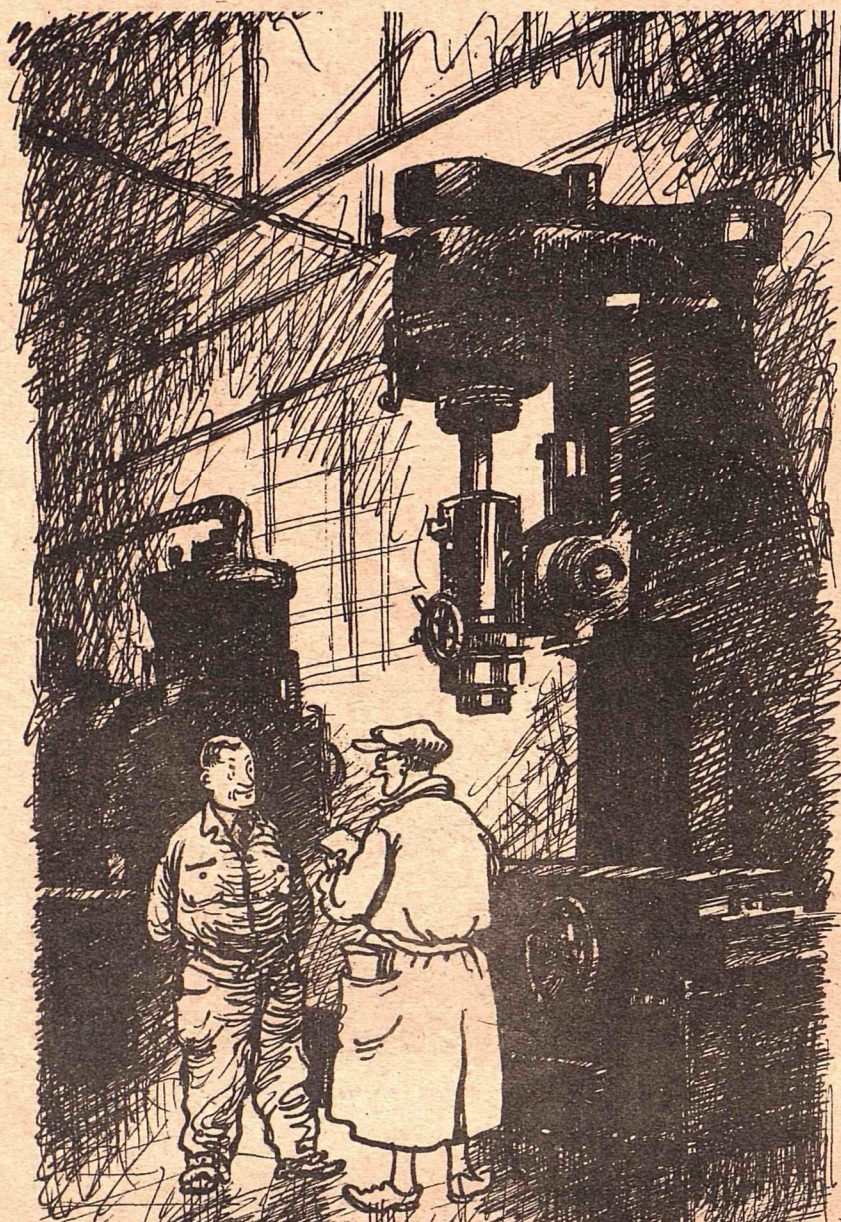
С женой он говорит, употребляя некрасивые выражения, тещу зовит, детеныша, очевидно, тузит понемножку.

Рычание «громобоя» не давало мне спокойно жить, а мучения «громобоевой» семьи не давали мне спокойно спать. И вот однажды, после особенно бурной сцены по поводу недожаренной яичницы, я впервые столкнулась с «громобоем» в ванной комнате. Во взгляде его еще пылала свирепость, через плечо болталось полосатое полотенце. Мы встретились глазами, я отступила, я постыдно бежала в свою комнату, забыв, зачем шла. Потому, что это был вовсе не сказочный «громобой», а наш тихий и кроткий делопроизводитель Серафим Карпович.

В. КАРБОВСКАЯ

РЕПОРТЕР НА ВЫСОТЕ

Рис. М. Храповского

— Мы увеличили выпуск деталей на 450 процентов.
— Детали меня не интересуют. Вы скажите, как у вас в общем и целом?

Шутка Асмодея

Я НАХОДИЛСЯ посреди огромной комнаты, заполненной конторскими столами. Внимание мое было привлечено одним из сотрудников учреждения, который, откинувшись на своем стуле, вел неторопливую беседу с посетителем, сидевшим по другую сторону стола. Беседа началась, очевидно, с полчаса тому назад, и конца ее невозможно было предусмотреть.

— Просьба будет все-таки, — канючил посетитель, — удовлетворить наше требование.

— Не можем же мы ни с того ни с сего... — отвечал сотрудник.

— Кабы мы сверх плана просили, а то это же плановая заявка.

— Рассмотрим... Посмотрим...

Мне пришла в голову мысль: о чем думают эти два человека, когда они целый час кряду вяло жуют одни и те же нехитрые соображения?

Неожиданно рядом со мною раздался какой-то необыкновенный голос:

— О чем думают? Известно о чем...

Я вздрогнул и быстро поглядел в ту сторону, откуда послышался голос. В двух шагах от меня стоял старичок с кривыми ногами, на двух костылях.

Встретившись со мной взглядом, старичок улыбнулся и сказал:

— Ну, так уж и быть, я и вас награжу этим свойством — читать чужие мысли. Минут на пятнадцать вы тоже станете ясновидящим...

И старик заковылял на своих костылях к выходу. Я смотрел ему вслед, разинув рот и выпучив глаза. Что-то очень знакомое было во внешности калеки. Не то я встречался с ним прежде, не то читал о нем... И вдруг я вспомнил, откуда я его знаю: это был Асмодей, хромой бес, подробно и точно описанный Ренэ Алэном Лесажем в 1707 году.

Задыхаясь от волнения, я обернулся к тем собеседникам, которых наблюдал прежде. И, действительно, на сей раз я не только слышал слова, но и самые мысли как посетителя, так и сотрудника, просматривали через головы. Это было похоже на маленькие экраны телевизионных аппаратов. Особую пикантность моим наблюдениям придавало то обстоятельство, что я одновременно слышал и то, что говорили эти люди, и то, что они думали.

Удобства ради я воспроизведу мои наблюдения в форме протокола. На место рубрики «слушали» мы поставим «думает», а там, где в настоящем протоколе было бы «постановили», мы обозначим «говорит».

ПОСЕТИТЕЛЬ

Думает:

«Сколько у него попросить, у подлеца? Тысяч пятнадцать нам загळा хватит. Но, если нам попросить пятнадцать, он больше пяти тысяч не даст...»

Говорит:

— Нам немного и нужно. Дайте кирпича тысяч сорок — пятьдесят, больше и не будем просить...

СОТРУДНИК

Думает:

«Конечно, можно было бы ему дать... Но кабы чего не вышло!»

Говорит:

— Хорошее «немного»!... Да вы знаете, меня под суд отдадут, если я вам дам сорок тысяч кирпича!..

ПОСЕТИТЕЛЬ

Думает:

«Что ж, в крайнем случае получим в будущем квартале. Пока что мы на месяц обеспечены материалом...»

Говорит:

— Товарищ Панкратов! Вы же нас режете! Мы накануне консервации!

СОТРУДНИК

Думает:

«А мне все равно...»

Говорит:

— А разве у вас запасы кончились?

Мне стало скучно наблюдать дальше за этим унылым враньем с обеих сторон. Я отвернулся, и взгляд мой упал на дверь, ведущую в крошечную каморку начальника. Начальник сидел на присвоенном ему месте, а подле него стоял длинный и худой служащий.

СЛУЖАЩИЙ

Думает:

«Хм!.. За что бы его похвалить? Ведь сапог сапогом. Все дело развалил...»

Говорит:

— Под вашим руководством, Александр Петрович, мы только и узнали, что есть истинное блаженство.

НАЧАЛЬНИК

Думает:

«А не врет ли, подлец? Хотя, с другой стороны, меня как-то всюду любили...»

Говорит:

— Да? Я, знаете ли, вообще не как другие...

И опять мне сделалось скучно. Я отвернулся и увидел две разгоряченные физиономии, которые то придвигались друг к другу вплотную, то отстранялись. Прислушавшись, я стал свидетелем довольно банальной ссоры. Первый из ссорящихся говорил и думал приблизительно так:

ПЕРВЫЙ ССОРИЯЩИЙСЯ

Думает:

«Я не позволю себе наступать на ногу! Не на таковского напали!»

Говорит:

— Я не позволю себе наступать на ногу! Не на таковского напали!

ВТОРОЙ ССОРИЯЩИЙСЯ

Думает:

«Не больно испугались мы!»

Говорит:

— Не больно испугались мы!

Как, вероятно, читатель заметил, удивительным было здесь полное совпадение мыслей и слов. Оба ссорящихся говорили то, что думали.

На грустную мысль навели меня эти спорщики. Неужели, подумал я, многие люди только тогда искренни, когда ругаются? Но действительность тотчас же рассеяла эти мои сомнения. Оборотившись спиной к спорщикам, я увидел молодого человека, который негромко, но серьезно говорил одному из сотрудников:

— Ваше отношение к делу представляется мне недопустимым!

Я немедленно же перевел взгляд на голову молодого человека. Мысли, которые я прочитал, утешили меня чрезвычайно: они полностью совпадали со словами молодого человека.

Умиленный, я подошел к молодому человеку и протянул ему руку, сказавши:

— Позвольте мне пожать вашу руку! Искренность ваша привела меня в восторг. Вы говорите то же, что и думаете. Редкое и похвальное свойство!

Немедленно после этого я прочитал в голове у молодого человека: «Это нахал или сумасшедший?», — в то время как уста его произнесли: — Я не понимаю, гражданин, что вам от меня надо?

Как видите, расхождение между мыслями и словами появилось и у этого молодого человека. Но, по правде сказать, на этот раз я не очень был огорчен. Я несколько смутился, поднял глаза, чтобы еще раз прочитать мысли молодого человека, но ничего не увидел, кроме волос и кожных покровов головы. Очевидно, четверть часа, отпущенные мне Асмодеем, кончились...

В. АРДОВ

Особый Отдел

КРОКОДИЛ ПОМОГ

В № 21 нашего журнала, в отделе «Дорогой Крокодил», было помещено письмо Голикова, инспектора отдела технического контроля кузнечно-прессового цеха Ростсельмаша. В этом письме были описаны оригинальные способы борьбы администрации Ростсельмаша с браком.

На Ростсельмаше отдельные руководители завода и цеха пришли по сему случаю в небывало оживленное состояние.

Голикова прежде всего стали поздравлять и окружать таким почетом и вниманием, что нашему крокодильскому корреспонденту пришлось спешно сматывать удочки из цеха.

Голиков перевелся на другую работу, но и там то же тропательное внимание окружало его. Его переводили 4 раза с места на место, и, наконец, начальник заводского контрольного бюро Чуркин уволил его с завода «за отказ от перевода на другую работу».

Голикову, как говорится, Крокодил помог... Но Крокодил, вне всякого сомнения, поможет и Чуркину и другим заботливым людям найти свое настоящее место.

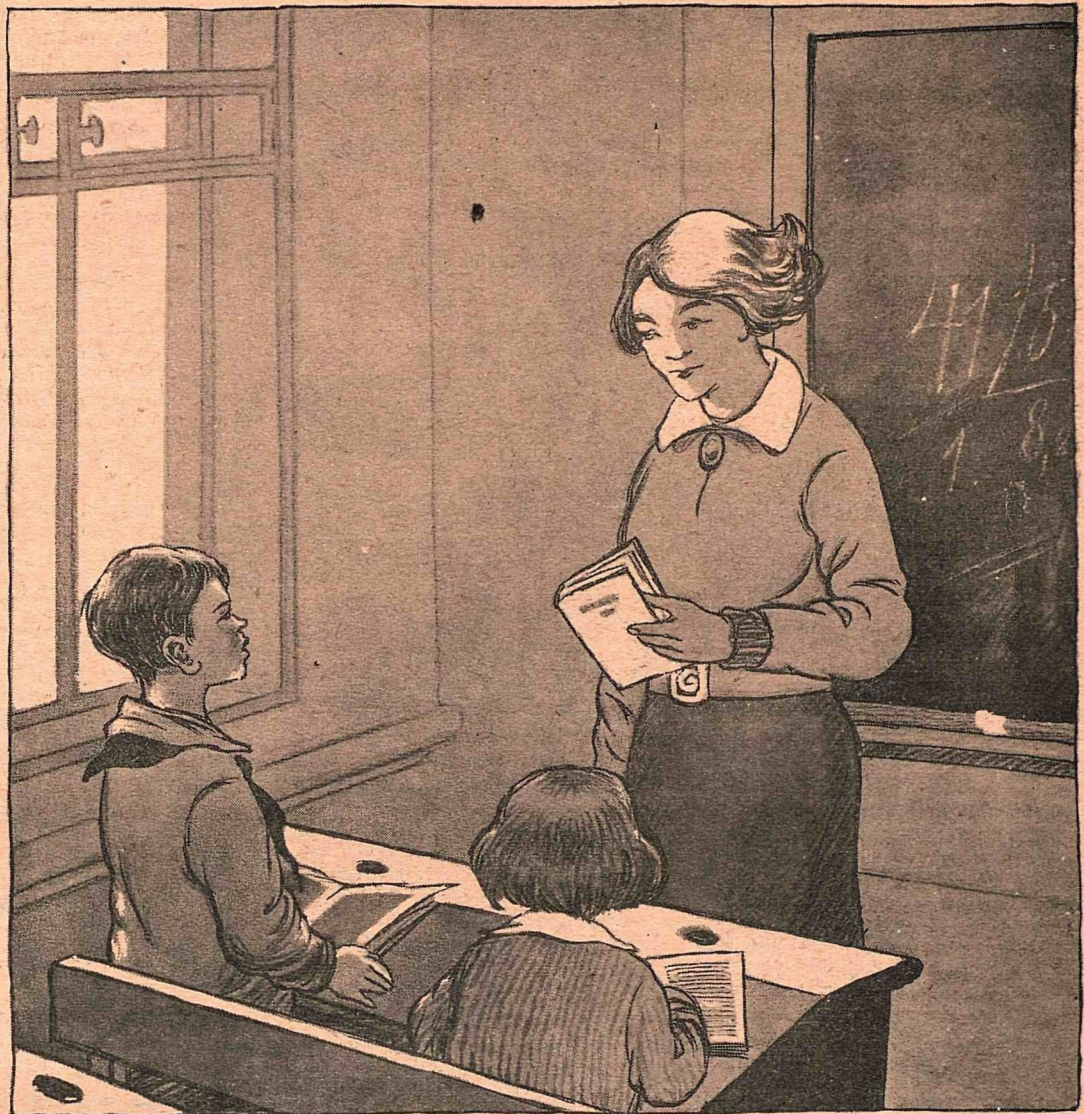
«МИСТОВ НЕТ»

В Темиргоевский отдел народного образования, Краснодарского края, обратилась с предложением своих услуг педагог Туранцева.

Туранцева пишет:

«Я хочу спросить может у Вашем районе есть место учителя биологии. Я работала 6 лет в школе колхозных практиков. Преподавала животноводство и биологию (окончила институт зоотехнический). Теперь хочу перейти в систему наробраз. В нашем районе нет мистов. Я решила спросит в соседнем. Если есть у Вас место то сообщите. Мой адрес ст. Гулькевичи Краснодарского края ул. Партизанская 5 Туранцевой».

Нет ли для Туранцевой «мистов» в обыкновенной школе ликбеза, в какой-то школе она так остро нуждается после успешного завершения высшего образования в зоотехническом институте?

— Кто считается властителем подводных глубин?
— Прежде—Нептун, а теперь—Эпрон.

Тамбовский альбом

Читатель, пред тобой альбом
Моих тамбовских впечатлений.
Здесь все: как бил я в землю лбом
Из-за нехватки освещения,
Как комнату с трудом сыскал,
В кино пролик с геройством редким,
И как я ошупью писал
Во тьме густой свои заметки.

В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ГОСТИНИЦЕ

Оставь надежду, всяк сюда входящий.
Здесь неизменно два десятка лет
Вам говорят с суровостью мертвящей:
«Свободных комнат не было и нет».

СОНЕТ

Где звезды—радость путника любого?
Укрылись вы, лукавые, за тучку,
Как проведу я милую за ручку
По темным улицам Тамбова?
Как ночь черна! И грязь черна, сурова,
Сурова, как кассир в получку...
И прыгаю я с кучки и на кучку.
Я ночью с толку сбит! Я ночью скован!
И вдруг из недр ночных исторгнут,
Я чувствую: лечу, и рассекаю воздух,
И падаю спиной и тазом разом!
Предел ли есть могучему восторгу?
Посыпались из глаз на землю звезды,
Я освещаю путь прожектором под глазом!

СЕГОДНЯ В ТЕАТРЕ

Очень тихо шарманка играет,
И тихонько твердит какаду:
«Он сгорел 31 мая
Еще в прошлом, да, в прошлом году!»

И вторая идет годовщина,
А на стройке блаженный покой.
Тихо трупна «сидит у камина»
И, как водится, «смотрит с тоской».
Тихо бродят проробы по сцене,
Тихо плотники гвоздики бьют,
Ну как будто «Собака на сене»:
Не играют и нам не дают!
Трест строительный, выполнил план ты?
Мимо стройки уже не пролезть!
— Ах, какие на стройке «Таланты»
И «Поклонники», видимо, есть!
И тихонько шарманка играет,
И тихонько твердит какаду:
«Он сгорел 31 мая
Еще в прошлом, да, в прошлом году!»

ЭЛЕГИЯ О ЦЕНТРАЛЬНОМ РЫНКЕ

На центральном тамбовском рынке
(директор И. И. Лаврентьев) развиты
хищения, нет контроля, имеются все воз-
можности для взяточничества.
Члены горсовета Самородова и Ильина

Гляжу с тоской на резкие морщины
Щербатых зданий, низменных ларьков,
На неприглядную твою картину...
Нет! Ты не из хороших стариков!
Ты будешь памятен не жирными гусями,
Не грусами откормленных дылят
И не кровавыми обильными мисами...
Не тем ты был известен и богат.
От нас отстал на лет десяток,
А может быть, на больший срок!
Последняя обитель взяток,
Где у колхозника взимают «на таек»!

Где среди запутанных и темных сборов
Сам дьявол потеряет след.
Нам говорят: снесен ты будешь скоро,
Но как тебя «сносили» много лет?

ЗАПИСИ в АЛЬБОМЕ симфоническому оркестру

Вы хороши! О вас едино мнение,
И вспоминать я долго буду вас.
Ведь среди тамбовских достижений
Работа ваша—подлинный алмаз!¹

8-й полной средней школе Тамбова

Мы зря измучаемся, коли
Неуспевающих поищем в этой школе.
Как жаль, что успевающие эти дети
Не заседают в горсовете!

И ВСЕТАКИ...

Не все тут плохо и печально!
Недаром шли вперед года!
«Тамбов на карте генеральной
Кружком означен»... навсегда!
Пройдет немного дней, получит
Тамбов театр, кино и свет.
Здесь люди есть! И самых лучших
Тамбовцы выберут в совет!

Р. РОМАН

¹ От редакции: Тут нет никакой иронии.
Оркестр действительно хороший.

1

12 сентября областная газета «Кировская правда» оповестила вселенную о том, что в каком-то районе научились доить... козла. Сообщение это разогло и без того пылкое воображение некоторых работников Управления народно-хозяйственного учета РСФСР. «А нельзя ли, — подумали они, — получить молочко и от другой скотины или птицы, например от кур или петухов?» Желасное сочли за реальное, и 5 октября заместитель начальника отдела труда УНХУ РСФСР тов. Дугин предложил Кировскому областному управлению:

«...Пришлите сведения о числе дойных коров и кур в июле, в дальнейшем давайте эти сведения на заголовке четвертой формы...»

Теперь слово за газетой «Кировская правда». Ссылаясь на авторитетные указания из центра, газе-

та, несомненно, не замедлит сообщить некоторые подробности об удоях кур.

2

А в городе Куйбышеве серьезно полагают, что Волга — река водочная.

По крайней мере куйбышевский областной отдел торговли, в лице начальника отдела торговых кадров Кохановой, отвечая прокурору Средневолжского бассейна, адресуя свое письмо так:

«Прокурору водочного транспорта Средневолжского бассейна»

И на конверте, чтобы не подумали, что здесь случайная ошибка или описка, повторили:

«Здесь прокурору водочного транспорта».

3

Совнарком Таджикской ССР затребовал у Ленинабадского оргкомитета отчет о расходовании трудовых книжек. Вместо отчета

начальник спецчасти оргкомитета прислал 5 октября, за № 245 письмо:

«На В/№ о предоставлении отчетности по трудкнижкам составить очень не трудно, но ничего не выходит, так как отчет будет неверен... Учета не было, количество полученных книжек Оргкомитетом неизвестно... Сколько же прошло книжек по оргкомитету, сколько прошло книжек и каких заполнением и выдавалось другим отделам, абсолютно нигде никак не отражено. Отсюда давать отчет какой, конечно не мыслемо».

Начальник спецчасти Ленинабадского оргкомитета Голубков скромничает. Конечно, «составить отчет очень не трудно». В этом отчете надо только прямо сказать, что оргкомитет плохо выполняет директиву партии и правительства о введении трудовых книжек. Тогда все будет ясно и даже «мыслемо».

4.

Просим высшие научно-медицинские органы включить приводимые ниже документы в историю новейших открытий медицинской науки. Документы вполне этого заслуживают.

1. Дана таковая гр-ке д. Луч, Сидорницкого сельсовета, Сеньевского района (БССР), Слижевой В. Е. о том, что при медосмотре ее констатируется следующее: сердце спокойное, а глаза, слух и другие органы здоровые. Что и удостоверяется.

Фельдшер Турьевского врачебного участка Ковако.

2. Гр-н Маденко действительно 7 сентября посетил амбулаторию. В момент посещения гр-н Маденко практически здоров, но говорил, что он «болел малярией» если это так тогда он освобождается от работы на 6 сентября 39 г.

Врач Тыдинской амбулатории Читинской области Никитина.

Как лечиться?

САМОЕ выгодное — совсем не болеть. И тогда не нужно лечиться.

Но если вам пришла охота заболеть, возникает весьма трудный вопрос: как лечиться? Воспользоваться ли привычной аллопатией или прибегнуть к помощи гомеопатии?

Я старался добиться истины у самих врачей. Спрашивал аллопата Козьмодемьянского:

— Что вы думаете, доктор, о гомеопатии?

С чувством снисходительности, сожаления и явного превосходства доктор Козьмодемьянский сказал:

— Видите ли, пациент, трудно советовать. Но если вы полагаете, например, что гвоздь можно забить наперстком, тогда забавляйтесь на здоровье этой, как ее... гомеопатией.

В свою очередь и гомеопат Демьянский не остался в долгу:

— Что тут ответить? Кто не боится укоротить свою жизнь лошадиными дозами, тот смело может разрушать организм при помощи так называемой аллопатии...

Я чувствовал себя пробкой между двумя сильными течениями и не знал, по каким волнам плыть.

Многое в гомеопатии влекло к себе. Мне нравились эти мелкие крупинки и капельки гомеопатических лекарств и священнодействие, с которым их нужно глотать.

Даже самые названия лекарств гомеопатии оваяны поэзией: бриония, аконит, меркур солиоб...

Миниатюрность, изящество — большой козырь гомеопатии. Я готов был уступить этому козырю. Как вдруг узнаю странные вещи...

Оказывается, нельзя рвать зубы гомеопатическим способом — мелкими крупинками.

Но больше всего меня испугало неожиданное известие: доктор гомеопатии Демьянский, заболев недавно свинкой, лечился у самого обыкновенного аллопата Козьмодемьянского.

Эта свинка решительно толкнула меня на прежний испытанный путь «лошадиных доз».

Но подождите, аллопаты, радоваться. Опять неясность, опять колебания...

Как-то я затеял хворать гриппом. Я чихал так, что жена, в конце концов, предложила вызвать врача Козьмодемьянского.

Случай было угодно, чтобы как раз в тот день о моем существовании вспомнила наша знакомая Марья Степановна, ярая гомеопатка.

— Козьмодемьянского?! — кричала она в телефон. — Ни в коем случае! Если вам дорога жизнь, пользуйтесь только гомеопатией. Сегодня я записалась на прием у Демьянского. Я его попрошу, он и для вас выпишет лекарство...

— А разве можно заглазно?

— Конечно!

— Позвольте, однако же вы идете к нему?

— У меня другое дело. У меня боль в колене. Тут требуется диагноз на месте.

В тот же день, к вечеру, Марья Степановна вступила в нашу комнату и, порывшись в сумочке, вытаскала два рецепта и два пузырька лекарств.

— Вот это для вас, а это для моего колена. Только имейте в виду: ровно через час по две капли.

Я решил попробовать. Добросовестно, ровно через час, я прикладывался к пузырьку, а добрая Марья Степановна с той же гомеопатической точностью регулярно справлялась по телефону:

— Пьете?

— Пью.

— Смотрите, ровно через час! По две капли!

Через десять дней я уже забыл о гриппе. На одиннадцатый день передо мной сидела торжествующая гомеопатка.

— Ну, что? Убедились?!

— Благодарю вас...

— Я была уверена, — сказала она, — что меркур солиоб вам поможет.

Я не понял.

— Почему меркур солиоб? Мне помогло что-то другое. Меркур солиоб я не принимал.

— Как не принимали?! А что же вы принимали?

— Не знаю. Там написано как-то иначе.

— Покажите.

Она схватила пузырек и озадаченно читала наклепку.

— Мм... странно...

— Что именно?

— Это ж мое лекарство.

— Ваше?

— Ну, да. Специально от боли в колене.

— Вот тебе на!

— Как же это я перепутала пузырьки? С этими сумочками вечная история.

— О, пожалуйста! — сказал я. — Но в таком случае что же выходит? Свой грипп я вылечил средством от коленной боли?

— Да-да! А мое колено перестало болеть благодаря каплям от насморка и гриппа? Мы изумленно смотрели друг на друга.

— Замечательно!

— Какова сила гомеопатии!

С этой минуты мои колебания были готовы придти к концу.

Как вдруг в душе зашевелился такой небольшой (гомеопатический) червячок сомнения.

— Позвольте! — шептал червячок. — Если средством от коленной боли можно победить насморк, то не годится ли это средство, например, от блох? Или в качестве гуммиарабика? Или для окраски бровей?

Гомеопатическая почва быстро ускользала из-под моих ног.

Но подождите, аллопаты, торжествовать. Вот что случилось дальше.

Мои нервы от соприкосновения с миром медицины окончательно распались.

В один прекрасный день я почувствовал даже что-то вроде боли за ухом.

Мне чудилась приближающаяся свинка.

Чтоб рассеять опасения, я пошел к врачу. Разумеется, к аллопату Козьмодемьянскому. Мне сказали, что приема нет: доктор болен.

И, действительно, как бы в подтверждение этих слов, в переднюю вышла его жена с доктором гомеопатии Демьянским.

Гомеопат Демьянский успокоительно говорил:

— Ничего особенного. Следите, чтобы он тщательно принимал... По две капли через час...

Скажите, нет ли чего-нибудь кроме аллопатии и гомеопатии? Нет?

Тогда вот что. Давайте, не надо болеть.

Ив. ПРУТКОВ

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Бюро жалоб Народного комиссариата путей сообщения удивительно напоминает персонаж из известной сказки, который делал все наоборот.

Посуди сам. Работница Просниа послала в Наркомпути письмо, где выражает благодарность за выдвижение на работу проездного вагонного мастера. Так вот это самое Бюро жалоб не нашло ничего лучшего сделать, как направить благодарственное письмо на расследование в Подор Ташкентской железной дороги.

Теперь я опасаясь что это мое письмо, адресованное Крокодилу, Бюро жалоб будет рассматривать как благодарность, а я имею в виду совсем другое.

А. АЛЕХИНА,

пом. нач. Подор Ташкентской ж. д.

г. Ташкент.

Дорогой Крокодил!

Разъясни ты мне, пожалуйста: окончил я или не окончил Ростовский педагогический институт? Сам я в этом вопросе запутался, а администрация Института, кажется, запуталась еще больше.

Все как будто было в порядке: я заочно обучался в упомянутом Институте, сдавал преподавательные экзамены и получил справку, в которой было сказано, что в июле 1939 года я окончил Институт. Более того, в этой справке, подписанной заместителем директора

РПИ А. Бечиным, помощником декана факультета Михопаровым и секретарем Толстой, было упомянуто, что «справка подлежит обмену на диплом с отличием».

Я, как говорится, ног под собой не чуял! Окончил, да еще с отличием.

Но радость была преждевременна. Когда я попробовал обменять эту справку на диплом, я получил вместо него бумажку, подписанную помощником декана П. Поповым и секретарем с нечетким почерком. А в бумажке было написано, что «вследствие академической неуспеваемости и уклонения от учебы» я... исключен из числа студентов. Вот теперь и пойми, кончил ли я Институт или не кончил?

С. А. ИВАНОВ

станция Тбилисская, Краснодарского края

Дорогой Крокодил!

Похлопочи, пожалуйста, в Наркомате лесной промышленности за Ивана Петровича Деревянко. В данное время он прозябает в должности председателя райисполкома в м. Батурине (Черниговская область, УССР). Между тем природа наделила его фантастической способностью — одним росчерком пера уничтожать целые сады и парки. Таким образом был, например, вырублен вековой липовый парк, окружавший так называемый «Дворец Разумовского», построенный крепостными в XVIII веке. Лишенный защиты, исторический памятник теперь разрушается. Деревянко задумал вырубить еще и другой

парк в Батурине — дубовый парк Кочубея. Можно себе представить, какую пользу мог бы принести Иван Петрович в деле усовершенствования техники лесоразработок: махнет перышком — и валятся вековые деревья! К тому же, вместо того чтобы лишиться дубового парка, батуринцы непрочь расстаться с чересчур дубовым председателем.

В. СЕРГИЕНКО,

Заместитель редактора газеты

«Сталинский шлях».

м. Батурин.

Дорогой Крокодил!

Раньше на загадку «Кто на все руки мастер?» отвечали: «Перчаточник». Теперь правильнее будет отвечать: на все руки мастер Евдокимов Николай Константинович.

Евдокимов работает в Нечаевском зерносовхозе, где одновременно исполняет обязанности начальника политотдела, председателя рабочкома, помполита, председателя ревизионной комиссии, председателя родительского комитета, председателя товарищеского суда и т. д. и т. п.

Неправильные действия председателя рабочкома Евдокимова можно обжаловать только через начальника политотдела Евдокимова. К нему же следует обращаться и по поводу плохой работы помполита Евдокимова.

Наша комсомольская стенгазета поместила карикатуру на Евдокимова, но тот распорядился газету сжечь, а карикатуру вырезать:

«Нельзя, мол, подрывать авторитет».

Так и осталась газета с дырой. Чем заполнить означенную дыру? Нарисовать бездействующий рабочий? Воспроизвести спящую ревизионную комиссию? Опять получится подрыв авторитета Евдокимова. Повесить газету с дырой? Но ведь это будет живой упрек Евдокимову, зажимающему критику. Укажи нам выход, дорогой Крокодил.

А. КУЧЕРЕНКО

Нечаевский зерносовхоз, Николаевская область

Товарищ Крокодил!

Управление народнохозяйственного учета по Сталинской области выделило Чистяковской инспектуре легковую машину и средства для приобретения лошади.

По своей наивности мы полагали, что автомобиль никак не пойдет без шофера, а лошадь не повезет без кучера, и запросили соответствующих ассигнований на шофера и на кучера. Но и в области и в Управлении народнохозяйственного учета республики на наши претензии последовал отказ.

Очевидно, мы отстали от жизни. Очевидно, в центральных органах народнохозяйственного учета уже додумались, наконец, до бесшoferной и бескучерной езды. Почему же это держится в таком секрете?

М. ОВЧАРЕНКО,

инспектор нархозучета.

Чистяково, Сталинская область.

Рис. И. Семенова

— Нашего папу не выбрали в горсовет!
— А где он теперь ничего не делает?

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-32-50; Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 6 час. Подписная цена на журнал — 1 р. 80 к. в месяц.

Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“

Рукописи не возвращаются

Москва, Изд. № 1250

Сдача текста и рисунков 27/XI 1939 г.

Подп. к печати 11/XII 1939 г.

Статформат 72×105 см.

Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

Уполномоченный Главлита № А—16927. Типография газ. „Правда“ имени Сталина. Москва, ул. „Правды“, 24. Заказ № 3859. Тираж 275 000 экз.

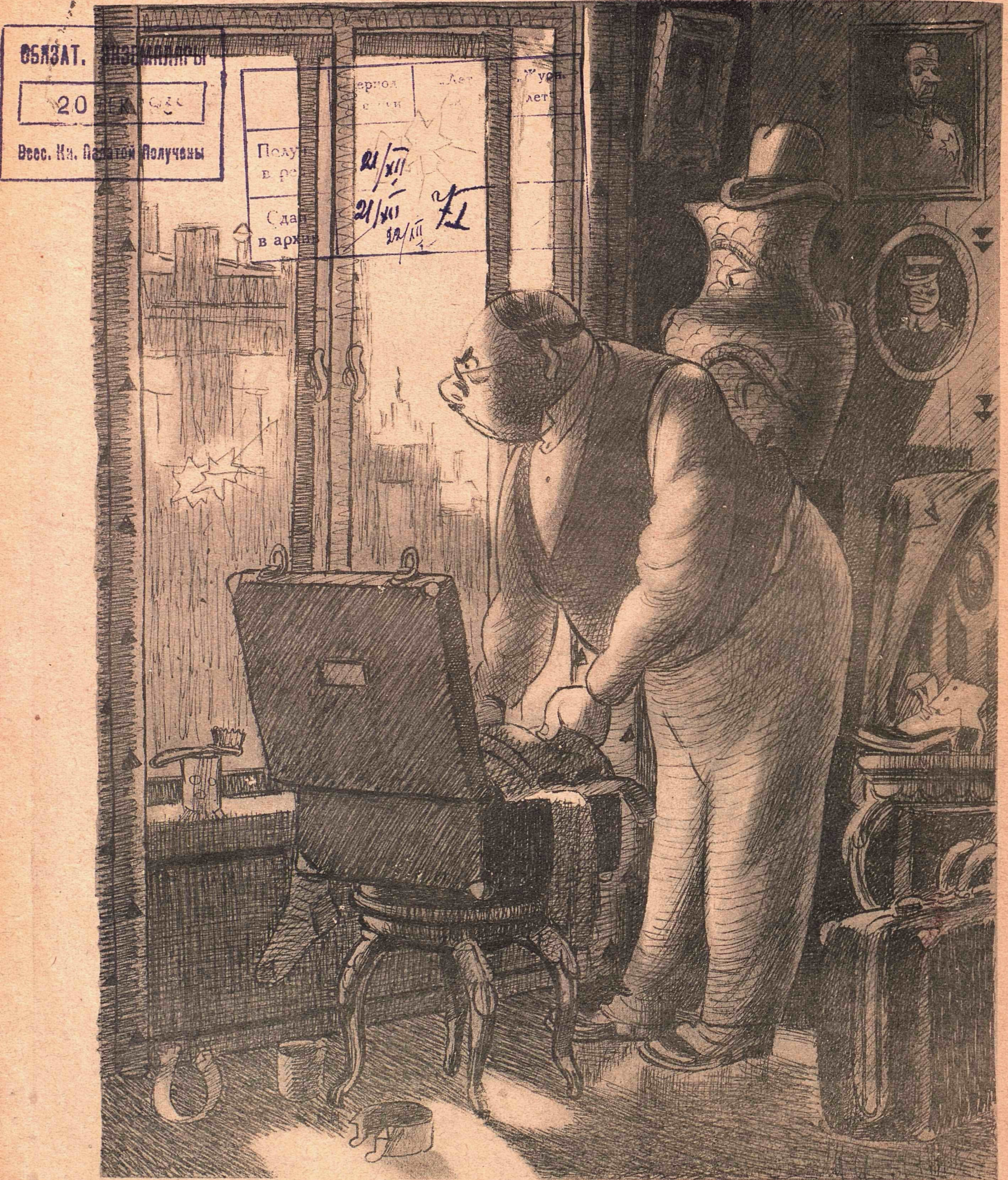
45

8

1495 51

ПЕРЕД РАССТАВАНИЕМ

Рис. Ю. Ганфа

ТАННЕР: — Какое право имеет народ меня сместить!.. Ведь не он меня выбирал.